

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ НЕДОЗОР

ПЛАЦДАРМ

Игорь Недозор

Плацдарм

Серия «Плацдарм», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2887165

Аннотация

Испытания машины времени, проводившиеся в СССР в начале 1980-х, дали совершенно неожиданный результат. Хотели попасть в Среднюю Азию конца XIX века, чтобы подготовить там плацдарм для мировой революции и победы коммунизма, а угодили... в абсолютно неизвестный мир, где правят магия и волшебство, существуют ордена чародеев, воюющие между собой, процветают могущественные империи с культами кровожадных богов. Что же делать? Уйти потихоньку восояси или...

Руководство первой в мире страны рабочих и крестьян принимает решение продолжать эксперимент, готовя плацдарм уже для революции вселенского масштаба. И через межпространственный портал на планету Аргуэрлайл перебрасываются войска и техника, водружаются над захваченными после тяжелых и продолжительных боев городами алые стяги, отправляются в дальние рейды разведотряды, а для бойцов сформированных из магов спецчастей проводятся занятия по боевой и политической подготовке.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

Конец ознакомительного фрагмента.

170

Игорь Недозор

Плацдарм

Посвящается 70 м годам XX века и людям жившим тогда
– недооцененному времени и недооцененному поколению.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОГОНЬ, ПРОКЛАДЫВАЮЩИЙ ПУТЬ

*Не боги запускают ракеты,
Не боги побеждают врагов,
Не боги утверждают диеты —
Мы кое в чем сильнее богов.*

Сергей Данилов

*Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Ранней Росы,
двенадцатый день*

Цепочка людей в форме песочного цвета, напряженно поводя из стороны в сторону стволами автоматов, шла по городу – первому городу чужого мира.

Шаги гулко разносились по мертвым улицам. Эхо отражалось от глиняных дувалов, которые были раза в полтора выше, чем знакомые по Средней Азии.

Они шли молча, вслушиваясь в тишину, нарушаемую лишь свистом ветра и их шагами. Иногда что-то негромко шуршало за старыми стенами, и люди синхронно вздрагивали, беря наизготовку оружие. Но, похоже, в городе больше никого не было. Может быть, даже сейчас во всем этом мире (кто знает?) не было ни одного человека, кроме них, да еще двух разведгрупп, что осматривали сейчас ближайшие

окрестности городка.

Выйдя на небольшую площадь, они оказались перед сооружением, помеченным на плане как «храм». Храм этот, правда, ничем не напоминал мечеть или минарет, точно так же, как и церковь, костел или базилику. Но Капустин почему-то назвал его храмом, и, похоже, не ошибся. Три коротких и толстых приземистых башни, выраставших из круглого здания с конической невысокой крышей. Ни окна, ни вентиляционных проемов – глухие стены и выглядящие особенно маленькими ворота. И две статуи крылатых леопардов (или еще каких-то «кошек») по обе стороны этих ворот. Преодолевая непонятную робость, временами переходящую в страх (испытали ее, надо сказать, почти все, включая и командира спецназовцев), разведчики проникли внутрь, но ничего особенного не заметили.

Разве что старший группы обратил внимание, что между двумя большими алтарями из песчаника были следы еще одного – поменьше, когда-то замурованного в пол, но потом тщательно извлеченного.

Следов пожаров, уличных боев, штурма и вообще военных действий обнаружить не удалось. Было похоже, что город оставили организованно и без особой спешки.

– Продолжить разведку! – приказал командир отряда майор Капустин.

При выборочном осмотре домов не нашли ничего существенного.

Битые горшки и амфоры (размерами от «мерзавчика» до человеческого роста) с простеньким орнаментом, обломки деревянной мебели, какое-то бесформенное тряпье.

В куче строительного мусора случайно откопали сплюснутый медный кувшин с ручками в виде бараньих голов, а на чердаке кузницы – завернутые в истлевшую кожу два кинжала без рукояток (не иначе спрятанные вороватым подмастерьем).

То ли жители унесли с собой все, что представляло хоть какую-то ценность, то ли позже безымянный город тщательно обшарили любители поживиться чужим добром; а скорее и то и другое.

К полному разочарованию прикомандированного к отряду археолога, не было найдено надписей – ни на русском, ни на арабском, ни на древнехорезмийском. Впрочем, как и на любом другом языке.

Зато были обнаружены целых две тюрьмы. Первая в подвале одной из башен, другая – на окраине города – обнесенная валом площадка, где было вырыто несколько глубоких обширных ям, прикрытых сверху разохшимися деревянными решетками и обложенных изнутри валунами.

Неприятные предчувствия не оставляли майора Капустина в покое.

Подобно тому, как не бывает полностью бесшумных засад (если верить классикам), не бывает и полностью безлюдных пустынь. Где-то есть охотники, где-то – оазисы с зем-

ледельцами, где-то – караванщики и караван-сарай. Тут же, насколько они успели осмотреть окрестности, признаков человеческого обитания не имелось.

Вернее, признаки-то имелись – пара разрушенных «кишлаков», заброшенные каналы, межевые камни на бывших полях, заросших редкой чахлой колючкой. Причем кишлаки не были, насколько можно понять, разрушены войной или иным бедствием. Глинобитные стены носили лишь следы времени.

И нигде ни одного скелета.

Кстати, археолог пожаловался, что и кладбищ у кишлаков вроде тоже не наблюдается – как и в городе. Черт, съедали они своих мертвецов, что ли?

Придет же такое в голову...

Захрипела, забулькала рация.

– Первый слушает! – встрепенулся майор.

– Это Борисов! – донеслось из динамика. – Мы нашли местного жителя!

– О, черт! То есть, я хочу сказать, отлично – тащите его сюда живей.

– Не получится, – последовал ответ. – Он... нетранспортабельный. Лучше подойдите, посмотрите...

Скелет лежал тут, среди валунов и щебнистой осыпи, довольно давно – год или два.

Представители местной фауны давно очистили его, что называется, добела.

Несколько клочьев истлевшей ткани – все, что осталось от одежды, давали понять, что при жизни покойник был облачен в шаровары и халат.

Еще уцелели сапоги, широкий кожаный пояс с зеленой медной пряжкой, на котором болтался деревянный футляр с несколькими стрелами. Вокруг костяного запястья темнел серебряный браслет в виде змейки. Рядом валялся тронутый ржавчиной кривой клинок.

Белые зубы, скалившиеся на черепе, давали понять, что умерший был еще молод. А потемневшее древко стрелы, торчавшее меж ребер, – что умер он не своей смертью.

– Должно быть, он заполз сюда. И только после этого умер. Может быть, даже шел довольно долго, – прокомментировал Борисов.

– Почему вы так решили? – поинтересовался майор.

– Если бы его убили тут, то забрали бы оружие и сапоги, – пояснил археолог. – Эти вещи дорого стоили в те времена.

– Возможно, – вздохнул Капустин. – Но как бы узнать точнее время его гибели? И примерный регион проживания. Придется искать экспертов...

– Постойте! – вдруг встрепенулся Борисов. – А зачем нам эксперты? Давайте поищем какого-нибудь солдатика из местных, который на сапожника учился, или там еще что.

И тут же звонко хлопнул себя рукой по лбу.

– Есть такой, елки-палки! Сержант Байсаров из второго отделения...

Мирза Байсаров так и этак повертел сапог, осмотрел его внимательно, только что не понюхал.

– Ну что сказать, товарищ командир, хорошая работа, – выдал он, наконец, свое заключение. – Хороший мастер шил, да! Теперь так не шьют.

– А еще что можете сказать, товарищ сержант? Ну, там фасон, материал...

– Хороший материал, товарищ командир, дратва какой толщины, вы поглядите! У, да еще и на деревянных гвоздях! – восхитился парень. – А вот еще, смотрите, подошва подшита кожей похуже. Как она сотрется, новую подошьют. А вот это, – указал он на канавку, – наверно, от стремян. У нашего соседа, он лесником был, точно такие же полоски были.

– А где похожие сапоги могут шить – не в курсе?

– Не знаю, – помотал головой таджик. – На наши непохожи. Носы квадратные, и подъем гармошкой. Нет...

Подпустил тумана и спец по прошлому.

– Выковано самым простым способом – сначала прутки согнули в холодном виде, а потом уже разогрели и расковали – горячая вытяжка с изгибом появилась относительно недавно. Так ковали сабли в Тюркском каганате и у гуннов, – уточнил археолог. – Ну, что еще по материалу... Клинок из рудного железа, не из болотного – почти не заржавел. Сталь по тем временам, – он не уточнил, каким именно, – довольно хорошая. Оружие воина-профессионала. Но вот форма

клинка, честно говоря, не вполне характерна. С одной стороны, явно похоже на ятаган, или скорее на скимитар. Вот, посмотрите: изгиб несколько больше сабельного, а внизу клинка утолщение, позволяющее усиливать удар. Видите – эти две приваренные сбоку пластины. И заточка с обеих сторон – не как на саблях. С другой – для классического ятагана он слишком узок. И изгиб одинарный – опять-таки скорее как на скимитаре.

Ученый пожал плечами.

– Честно говоря, не могу подобрать аналогов, кроме, может, китайских мечей ци. Кроме того – рукоять. Совершенно не характерна для данного региона. Скорее, напоминает эфес самурайского меча. А орнамент так вообще ставит меня в тупик: эти узоры явно смахивают на что-то из доколумбовой Америки.

– Ладно, ятаган так ятаган, – неопределенно хмыкнул Капустин. – Может, турки проезжали мимо, да и потеряли.

«Может, турки, а может, и орки...» – непонятно почему, археолог вспомнил детскую книжку, года три назад купленную им в Ленинграде, куда он ездил на очередную конференцию. Книжку эту очень полюбили его сын и дочка, и рассказывалось в ней про приключения смешных карликов, живущих в каком-то Средиземье.

– А что вы скажете на это? – майор указал на стрелы.

– Тут все проще.

Историк нервно усмехнулся, прогоняя посторонние мыс-

ли.

– Наконечники – почти точная копия массагетских третьего века до нашей эры. Литая оружейная бронза. Только вот сделаны явно недавно.

Судя по выражению лица ученого, он бы, несомненно, предпочел, чтобы наконечники, которыми был убит неизвестный воин, были извлечены из раскопанного грабителями кургана.

Капустин озадаченно почесал темя.

– Вот задачка. Представляю, что скажет генерал...

* * *

Земля. Таджикская ССР, Гиссарский хребет, 198.. год

Генерал-лейтенант Антон Карлович Мезенцев вздохнул.

С высоты в двести с лишним метров дно котлована казалось зеркалом, отлитым из холодного серебра. Стоявшая высоко в зените осенняя азиатская луна и в самом деле, как пишут в романах, придавала всему, на что изливала свои холодные лучи, оттенок нереальности.

«Ну вот, опять лезут эти книжные мысли».

Впрочем, чувство это было неудивительным, если учесть то, чем они сейчас занимаются. Что должно совсем скоро произойти тут.

Мезенцев нервно передернул плечами.

Это самое пресловутое чувство нереальности окружаю-

щего он ощутил, когда впервые, а было это полгода назад, ознакомился с документами по Проекту.

То, чем ему предстояло заниматься, выглядело настолько диким и нелепым, что только присутствие посторонних (а именно таковыми он считал всех околачивавшихся на полигоне штатских) удержало генерала от того, чтобы высказать все это в соответствующих выражениях. Это, да еще осознание того, что люди, чьи подписи стояли на бумагах, которые запрещалось даже выносить из кабинета, не стали бы заниматься... ахинеей.

Впрочем, завтра... нет, уже сегодня утром, он лично убедится в правоте или неправоте заваривших эту кашу ученых.

Генерал с некоторым неудовольствием (признаться, неожиданным) посмотрел на стоявшего неподалеку Байлакова.

У всех шишек дети, как дети – шалопаи и карьеристы с прокисшими мозгами, а этот нате вам – великий физик! Другим детишкам папаши покупают за кордоном дорогие игрушки – видаки, гарнитуры, «Мерседесы». Этому же родитель обеспечил игрушку супердорогую. Да что там говорить – даже какой-нибудь Рокфеллер не смог бы за все свои миллиарды дать сынку возможность развлекаться с такими штуками.

Да, вот чья судьба уж точно решится в это утро.

Если не заладится, то ему, генерал-лейтенанту Мезенцеву, не грозит ничего, кроме нового назначения. А вот про-

фессора не возьмут даже физику в школе преподавать. Да и батьке его тоже будет кисло.

Антон Карлович еще раз взглянул вниз, в провал.

В геометрическом центре котловины, на привязных аэростатах покачивался ослепительно белый в лунных лучах неправильный шар, диаметром в пятьдесят метров. Хрупкое сооружение, собранное из фарфоровых лепестков длиной два метра каждый.

Эта сфера, проходящая по документам, как изделие «Одуванчик», должна будет сфокусировать электромагнитные, рентгеновские и прочие излучения, возникшие при взрыве. Пусть лишь на краткие доли секунды, пока ударная волна не разнесет керамику в пыль, но этих долей секунды должно хватить. Потом в дело вступит купол и стены провала, но первый импульс должна дать именно эта белоснежная громадина.

Пару раз в эти недели Мезенцева преследовал кошмарный сон – в момент, когда уже все готово, налетает внезапный ураган, смерч срывает «Одуванчик» с якорей, и изо всех сил бьет о скальное дно...

Главное – пусть изделие сработает как надо! Если только физики не напортачили – в дело вступят силы попроще и понадежнее всяких там квантовых скачков и слабых взаимодействий.

Три инженерных батальона, один военно-строительный отряд, специализирующийся на сооружении дорог в горных

условиях, пять разведбатов, собранных от Дальнего Востока до ГСВГ. Один артиллерийский полк.

Сводная дивизия и пять мотострелковых полков.

Все это – лишь передовой отряд.

Исподволь готовятся к отправке десятков автобатов, что составят отдельную транспортную дивизию.

Еще в десятке дивизий сейчас проводились как бы учения. Люди были готовы погрузиться в эшелоны и грузовики и отправиться на юг. На маневры.

Если все пройдет, как запланировано... Срок готовности – плюс семь. То есть через семь дней начнется основная фаза операции.

За спиной коротко и зловеще провыла сирена – объявлялась часовая готовность...

Таджикская ССР, Гиссарский хребет, 198.. год. Полигон 113

...Сергей Байлаков нервно похлопал по кожаной офицерской планшетке, в которой лежали старые школьные тетради – его талисман на счастье.

Когда-то, два с лишним десятка лет назад, все началось с одной из них.

Вырезки из газет и журналов, фотоснимки и ксерокопии, заметки на многих языках, с датами и названиями местностей. Официальные бумаги с лаконичными печатями «ДСП». Он помнил все чуть ли не наизусть.

Именно эти тетрадки стали Вратами к его недалекому, хо-

чется верить, триумфу.

И сидя сейчас в заглубленном в скалу на восемь местров бункере перед экранами наблюдения и окулярами перескопа, в компании коллег, он вспоминал весь путь, приведший его сюда.

К цели – выношенной и сформулированной – пришлось идти круглым путем, не открывая никому, даже ближайшим сотрудникам своей лаборатории, подлинных задач работы.

Сначала, как водится, пришлось пробивать тему в верхах.

Конечно, любой бы поднял его на смех, предложи он искать способ пройти границу между мирами. Но зато слова о повышении мощности ядерных боеприпасов подействовали на всех прямо-таки магически.

Затем появилась новая тема внутри старой. Сугубо научная, строго вписывающаяся в существующую картину мира: *«Субквантовые эффекты в физическом вакууме и пространственно-временном континууме при выделении энергий большой мощности в малом объеме».*

Долгие расчеты. Замеры при ядерных испытаниях. Сверхсложные приборы, собранные институтскими слесарями и наладчиками буквально на коленке – ведь тех агрегатов, что были ему нужны, не было нигде в мире.

Первые осторожные намеки немногим из сотрудников.

Разосланные в солидные академические институты результаты поисков, как бы на рецензию, и положительные ответы.

А ведь еще приходилось отвлекаться на свои прямые обязанности – ибо работал он в такой сфере, никто будь даже ты сын большого начальника, не позволил бы даром просиживать штаны. Опять же – если за ним не будет числиться никаких успехов – кто его слушает?

И успехи были, и мощностность тех самых боеприпасов росла. А всего-то и потребовалось слегка сдвинуть отражатели, да добавить пригоршню-другую недорогих изотопов – и эффект был что называется, выше всяких ожиданий!

Ох, как потрянуло тогда полигон, когда вместо расчетных ста килотонн «изделие» выдало сто сорок! Эхо взрыва докатилось аж до столицы «потенциального противника» – потом куратор его темы показывал секретный доклад группы ядерного планирования, в котором с грустью констатировалось, что в области создания мощных компактных боеприпасов Америка отстала лет на десять. А то как удалось повысить выход энергии на реакторах АЭС чуть поиграв с режимами? И пусть умник Легасов что-то там бормотал насчет того, что при неправильной остановке повышается риск аварии – на АЭС ведь идиотов не держат!

Но просчитывая режимы или мотаясь по полигонам, Байлаков никогда не забывал о главном.

Ему везло – в поле его зрения попались два математика – Миша Дашичев и Константин Демьяненко – над их «топопространственной геометрией» и «многомерной алгеброй» почтенные профессора посмеивались, а вот он сразу понял

– что это как раз то, что ему нужно.

А еще раньше случай свел его с Мезенцевым – тот после провала операции с вербовкой сразу двух западных послов, заснятых вдвоем в постели (патриотизм, против ожидания пересилил у педиков стыд) был послан надзирать за ловцами снежного человека, уфологами и прочими тарелкоманами.

Как ни странно матерый грубиян с деревенскими манерами проникся идеями Байлакова – а может просто своим трезвым крестьянским умом понял, что в случае успеха поднимется куда выше своих гонителей?

Так появилась карта со странными местами, на каждое из которых Байлаков завел подробное досье. Собранные легенды и байки аборигенов, тщательно просеянные и отобранные, рассказы самих – ха-уфологов и прочих служителей нетрадиционной науки, показания испуганных свидетелей неизвестно чего. Наконец – рапорта агентов и сотрудников «органов» за многие годы – Мезенцев постарался.

Затем – только затем – выезды сотрудников с приборами – тоже собранными так, что сами изобретатели и мастера не понимали четко – как они работают.

Он помнит до сих пор – ярче чем первые шаги или слова собственных сына и дочери (родившихся и выросших как-то незаметно для него) первые расшифрованные данные тех полузаконных экспедиций – наполнивших его душу трепетом восторга.

И новые размышления, новые мучительные попытки по-

догнать под все это хоть какую-то теорию. Пришедшее неизвестно откуда слово «дромос» для обозначения проходов из мира в мир – пришедшее и оставшееся.

Затем – первые замеры с помощью его аппаратуры в районах испытаний.

Когда он показал расшифрованные данные шефу – подлинному научному динозавру, почтенному старцу, академику дюжины всемирно известных академий, тот сперва произнес, старчески кряхтя «Чушь какая-то!» А потом на полчаса буквально закопался в бумагах, лишь время от времени что-то бормоча себе под нос, и наконец, изрек «Вы знаете, Сережа, я бы на вашем месте подробнее занялся этими эффектами. Это возможно тянет на Госпремию!»

– Это тянет на «нобелевку», старый перец!» – удовлетворенно изрек Байлаков про себя.

И наконец разговор с отцом, к которому он готовился два месяца.

А потом – тот самый доклад, к провалу которого он себя заранее готовил, но который был поддержан и утвержден. Старый маршал выручил, земля ему у кремлевской стены пухом.

И вот скоро все решится. Главные полигонные испытания по программе «Порог» завершатся ровно в 12.00 по местному времени. Уже через пять минут...

Только бы сработало! Может он зря отказался от мысли – произвести главный эксперимент где-нибудь в районе дей-

ствующих зон контакта?

Хотя пожалуй все-таки нет – только Богу известно – что будет если заряд рвануть в дромосе.

Ага, вот оно!

...Над каменным цирком медленно поднялся, ослепительно сияя на солнце, огромный купол. Наклеенная на крупноячеистую сеть алюминиевая фольга и станиоль, подвешенные к десятку аэростатов. Аэростатов, пролежавших где-то на складах с самой той войны. Тоже должно дать свой эффект – пусть и на ничтожную долю мига.

Пошел отчет.

Когда мертвенный голос произнес «Ноль», Байлаков привычно прикрыл глаза на шесть секунд.

Он знал, что именно шесть секунд происходит реакция. Ровно шесть секунд длилась вспышка. Беззвучно вспыхнул и растаял серебряный купол, и уже ничто не мешало свету. Слепящему, жгучему, яростному, и вместе с тем какому-то мертвому. Ровно шесть секунд длилась вспышка. А когда она погасла, реле замкнули контакты, и электроток вонзился в сотни детонаторов, разбросанных в толще почти тысяча тонн старых боеприпасов, замурованных в обступивших цирк штольнях и шурфах. Синхронизированные направленные взрывы раскололи казавшуюся монолитной скалу и обрушили еще исходящие жаром каменные глыбы вниз, на дно провала, хороня облученный камень...

Возникла пологая седловина, уходящая вниз, к каменно-

му развалу.

И в еще конце, когда осела пыль, взгляд мог различить некое смутное мерцание.

Но стоило взглянуть на него через спецфильтр, то явно различался обращенный вершиной вниз треугольник со скругленными углами.

– Поздравляю, товарищи... – вдруг севшим голосом произнес Байлаков.

Мезенцев недовольно зыркнул на историка. Вечно эти гражданские торопятся...

* * *

Москва, Старая Площадь. За год с небольшим до вышеописанного

Сергей Сергеевич Байлаков, доктор наук, профессор, заведующий отделением перспективных проблем физики филиала МИФИ, нервничал.

И было отчего: именно сейчас решалось дело его жизни. То, чему он посвятил три последних года и почти пятнадцать лет до этого.

Сейчас перед ним сидело три человека – довольно-таки немолодые и не слишком похожие на свои портреты, которые висят почти в каждом учреждении. Двое в строгих темных костюмах, один – в мундире с маршальскими звездами. Три члена высшего руководства страны, которые должны бу-

дуг определить – дать добро на проект «Порог» или нет.

– Итак, все дело в том, что время как элемент единого континуума не абсолютно, а относительно. В геометрии Лобачевского и Римана, в отличие от той, что изучают в школе, две параллельные прямые пересекаются, и через две точки можно провести сколько угодно прямых. По одной из гипотез, время имеет три координаты – протяженность, кривизну и плоскость иного времени. Именно при помощи этой координаты мы и рассчитываем осуществить задуманное. Как известно, в современной кристаллографии оперируют теорией одиннадцатимерной вселенной. В своих работах наша группа исходила из того, что...

Он старался говорить, как привык на ученых советах. Плавно, неторопливо, уверенно, твердо, а главное – непрерывно. Насыщать речь научными терминами, но в меру, чтобы у слушателей не возникло впечатления, что их водят за нос, или того хуже – издеваются.

– Скажите, – перебил его один из присутствующих. – Я вот хочу спросить... В смысле, как бы это сказать... Короче, если мы попадем в прошлое, это не изменит нашего с вами мира? Не случится ли чего нехорошего с нами, с нашим временем?

– Ничего подобного просто не может случиться, – поспешил успокоить его Байлаков. – В противном случае нарушился бы закон причинной связи, что невозможно. Просто возникнет еще один мир, похожий в мельчайших деталях на

наше прошлое. А путешествие в свое прошлое – это плохая фантастика.

– Вот так просто – возникнет? – в голосе ответственного за науку слышалось явное недоверие.

– Так точно! – по-военному отрапортовал Сергей Сергеевич. – И это легко объяснить. В научном мире существуют две гипотезы. Первая – это гипотеза Эверетта, заключающаяся в квантовании континуума в ходе хронального развития...

(Вообще-то Байлаков мог бы рассказать, как именно он дошел до этого факта, если бы присутствующие хоть немного разбирались в квантовой физике).

– Иными словами, число вселенных конечно, но стремится к бесконечности...

– Позвольте, вы вот говорите, что перемещения в собственное прошлое невозможны? – спросил вдруг министр обороны.

– Именно так, ибо это противоречит закону причинности, – с готовностью кивнул ученый.

– Но, как тогда вы объясните эти... мм... события в нашем прошлом?

«Что называется, старое инженерное образование: не упустил!» – подумал Байлаков про себя.

– Тут есть два объяснения. Первое, которое я не разделяю, состоит в том, что есть некий нижний предел, когда трансхрональное воздействие не вызывает расщепления реально-

сти, а все же как-то проявляется. И второй, полностью укладывающийся в мою гипотезу...

– И какой же?

– Видите ли, Дмитрий Федорович, это были... скажем так, не наши взрывы...

* * *

– И что это означает, по-вашему? – угрюмо набылчился генерал-лейтенант.

На свежеотпечатанных снимках было такое же плоскоре.

Такое же, да не то же самое.

Там, как и за их окнами, возвышалась цепочка Памирских отрогов, хотя кое-какие различия в силуэтах были видны даже невооруженным глазом. Но вот за ними в небо поднималась стена исполинского горного хребта, даже на этих не слишком хороших снимках поражавшего своей мощью и высотой.

Метрах в пятистах (специальная техника услужливо изобразила координатные линейки на полях фото) плато резко обрывалось уступом вниз.

И там возвышались стены и башни какого-то не очень большого, хотя и не маленького, городка.

– М-да, – тяжело вздохнул Вольницкий. – Похоже, тамошним аборигенам мы здорово напакостили. Сколько должно

было уйти на ту сторону, вы говорили? Тридцать процентов продуктов реакции?

Он постучал пальцем по одной из фотографий, на которой был запечатлен городской квартал, явно подвергшийся ядерной бомбардировке.

– Стало быть, пробили дырку в наше прошлое? – желчно спросил генерал у Байлакова. – И где же, позвольте спросить, вы здесь такое видели? На Душанбе, вроде, не похоже. Даже на Самарканд с Бухарой не тянет.

– Может быть, это более давнее время, – неуверенно предположил, защищая физика, Вольницкий. – Скажем, эпоха Ахменидов, или даже еще раньше...

– Ага, Атлантиды с Лемурией! Но тогда скажите, товарищи ученые, вот те горы куда провалились? – едко осведомился Мезенцев, махнув рукой в сторону Гиссарского хребта. – Или, может, их мыши с тушканчиками изгрызли?!

(Не следует думать, что генерал КГБ был столь образованным в оккультных материях человеком – хотя и заведовал он одно время всякими науками нетрадиционной ориентации, но вообще-то был убежден, что Лемурия – это выдуманная американцами страна разумных лемуров).

Ученые переглянулись. Ответить генералу было нечего. Да, это была явно не Средняя Азия прошлого века, куда, как планировалось программой «Порог», они должны были пробить межвременной канал.

И что это такое – понять было невозможно. Конечно, мож-

но было затребовать сюда любого из четырех сотен историков предназначенных для второго этапа операции, отобранных Комитетом заранее. Там конечно в основном спецы по истории Российской империи, но десятка два знактоков местных особенностей нашлось бы. По плану меньше чем через сутки они должны были быть доставлены на объект перехода.

Но чутье подсказывало контрразведчику, что историки тут мало помогут.

Фотоснимки зафиксировали такое, что, мягко говоря, не вписывалось в историю местной цивилизации.

Почти правильное кольцо стен, опоясывавшее поселение. Караван-сарай (!) и постоянные дворы (!) у ворот.

Девять башен и отдаленно не напоминавших привычные мусульманские минареты. Три «предположительно храма» с колоннами и куполами.

Несколько явно выделяющихся кварталов с домами, явно не похожими на глинобитные мазанки простолюдинов.

Двухэтажный дом в форме подковы – резиденция местной власти, а может – дворец правителя. Еще один похожий дворец, только раза в два меньше.

Город которого нет здесь, и горы, которых нет там.

И хоть Мезенцев не был великим знатоком физики, но в тонкостях операции «Порог» разбирался. Значило это скорее всего, то, что перед ними – другой мир. Не просто другой, но совсем другой. И что с этим делать было совершенно

непонятно.

Оставалось ждать данных войсковой разведки.

* * *

Год Синего Ветра. Месяц Ранней Росы, четырнадцатый день

Гахна. Примерно две тысячи километров к северо-востоку от предыдущего места действия

Алтен проснулась оттого, что ей на лицо упал солнечный зайчик.

Вскочив, она оглядела свое жилище.

Старинный идрисский ковер на полу – настоящий, не дешевая подделка; поверх него – туго набитые атласные и бархатные подушки, с потолка свисали изящной работы золотые светильники. Обстановка может показаться роскошной и даже слишком – но зачем еще деньги, если не тратить их на красивые вещи, которые так украшают жизнь?

По комнате расставлены низкие столики с остатками легкой закуски и разноцветными досками для игры в х» хо – этой ночью у нее были друзья, и этой же ночью у нее состоялось неприятное объяснение.

Алтен встряхнула головой.

Пусть она чародейка из не самого сильного ковена, но, тем не менее, чародейка, причем не какой-нибудь – шестой ступени.

Если этот надутый придворный сопляк считает себя выше ее только потому, что у него тройное имя, а у нее лишь двойное, то пусть ему будет хуже! В конце концов, ее род не менее древен и почитаем. Да и вообще, как сказал пророк Сей: «Нет раба, не имевшего предком царя, и царя, не имевшего предком раба».

Она выглянула в окно, полюбовалась вздымающимися над башнями и крышами Гахны, синими отрогами Уйгола.

Потом, сбросив ночное покрывало, забралась в стоявшую в углу большую бронзовую лохань в форме большой раковины из южных морей.

Фыркая, начала обливаться холодной водой, прогоняя остатки сна.

Можно было позвать служанку, но за три года в чародейской школе Алтен привыкла обходиться без посторонней помощи.

Обтершись куском грубого полотна, она как была, нагая, уселась на ковер и стала есть.

Перекусив кистью винограда и двумя хлебцами, девушка принялась обдумывать свой сегодняшний день.

Важных дел вроде нет.

Завтра ей предстоит сложное гадание об успехе важной сделки – для почтенного Сиркэ, главы Купеческой гильдии города. И еще – молодая богатая вдова, хочет узнать – следует ли ей взять в мужа своего дальнего родича? Второе, конечно, проще, но в гадании на счастье и любовь вероятность

ошибки велика, а репутация мага стоит дорого, и теряется легко.

Может, если бы вдова не обещала пятьдесят золотых, чаровница бы отказалась. Но ведь нужно же оплачивать столь любимую ею роскошь?

Но это завтра.

А что ей делать сегодня?

Может быть, отдохнуть перед предстоящим действием?

Или заняться тренировками – покидать, например, игральную кость, добиваясь выпадения нужного результата?

А то плюнуть на все и съездить в горы?

Прикрыла глаза, представив чистейшую прохладную воду озер и мягкую траву высокогорных лугов.

Нет, пожалуй, можно не успеть обернуться до завтра.

Поэтому придется заняться костями.

Алтен вытащила из ниши шкапулку, где хранила чародейские предметы – все, что собрала за три года после того как завершила обучение.

На ней не было запора, но тот, кто попытался бы ее открыть без разрешения хозяйки (пусть бы это был и куда более сильный маг), рисковал получить крупные неприятности.

Подняла крышку... да так и замерла.

Вокруг неприметного куска мутноватого кварца в простой деревянной оправе мерцало розоватое сияние – невидимое для непосвященных, но заметное даже для начинающего ча-

родея.

Камень Судьбы давал ей знак.

Следующие несколько минут Алтен провела в напряженной активности.

Содержимое ящичка было небрежно вывалено прямо на пол, и девушка погрузила руки в россыпь флаконов и амулетов.

Несколько бутылочек с эликсирами были отложены в сторону, а две – тут же откупорены и выпиты (стены комнаты слышали произносимые сдавленным шепотом неблагозвучные слова – зелья не отличались тонким вкусом). Оранжевым мелом она очертила круг, в центр которого положила Камень Судьбы – его аура виделась ей теперь густо-малиновой. Вокруг разложила несколько замысловатых вещиц, а потом сбрызнула талисман жидкостью еще из двух флаконов.

Несколько капель попало ей на руки, и Алтен зашипела от боли, но отвлекаться было некогда.

Когда все было готово, она мысленно воззвала к Могущественным и к духам предков, прося помочь правильно истолковать Весть.

Затем сосредоточилась на амулете, впиваясь взором в его глубину.

И чуть не вскрикнула от изумления – в багряном отблеске проскальзывали лиловые искры. Это значило, что Весть Судьбы касается не только ее, а и других.

О, да их целый рой! И быстрое мерцание – значит, ей

предстоит узнать нечто очень важное. Что же это такое?

Видение пришло неожиданно и сильно – как это и бывало.

Что-то изо всех сил толкнуло ее в позвоночник, окружающий мир свернулся в точку, а потом глазам ее предстало зрелище – полуразвалившийся старинный город на фоне горного хребта. Потом она увидела его уже сверху, как будто глазами птицы, и убедилась, что на улицах этого вроде бы давно умершего города присутствует жизнь – множество людей в светло-зеленой одежде и какие-то странные повозки. Затем город резко ушел вниз, в глаза ударило выгоревшее небо – и перед глазами явилось лицо человека: в той самой странной одежде, невиданной ею раньше.

Все пропало – болезненным толчком Алтен вышвырнуло обратно в реальный мир. Камень стал прежним мертвым осколком кварца – Весть была передана.

Пошатываясь, девушка поднялась на ноги, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце. Пожалуй, с эликсирами она перемудрила. И неудивительно – такое было с ней третий раз в жизни.

Ну, как бы там ни было, сообщение получено, и нужно действовать.

Взяв со стола тоненькую флейту, она дважды дунула в нее. Через полминуты на лестнице загремели шаги.

Тут Алтен вспомнила, что до сих пор нагая.

Одеваться уже не было времени, и девушка просто подхватила лежащую на ковре скатерть и небрежно прикрылась

ею, прижав одной рукой к груди. Хотя она, как и всякий маг, была лишена ложной стыдливости, но ей было бы неприятно при мысли, что кто-то будет мысленно проделывать с ней всякие вещи, которые она по доброй воле с ним делать бы не стала.

Вошел, тяжело переваливаясь, муж ее домоправительницы.

– Вот что, Стокк, – распорядилась она, стоя, как ни в чем не бывало, напротив окна, освещенная восходящим светиллом.

Судя по взгляду Стокка, скатерть оказалась весьма коротка.

– Сегодня же, в крайнем случае, завтра продай моих коней. Всех троих, кроме Паруса и Кошки. Потом пойдешь к колесничному мастеру и скажешь, что заказ я отменяю, а задаток он может оставить себе.

Собери еды на пять дней, и купи хорошие седла – купи самые хорошие какие найдешь.

Всем скажешь, что госпожа уехала по делам важным и срочным, и когда приедет – не известно.

За домом следи, деньги трать с умом. Если что не так – крепко взыщу по возвращении.

– Понял, – поклонился Стокк. А осмелюсь спросить – куда вы уезжаете?

Далеко. На плоскогорье Тара-Хуту. Есть там такое место – Тхан-Такх.

– Тхан-Такх? – удивился старик. – Не слышал. Что осмелюсь спросить привлекло в нем мою госпожу?

– Можно сказать, меня призывает судьба... Иди.

Оставшись одна, девушка отшвырнула скатерть, и принялась перебирать содержимое сундука с одеждой, размышляя.

Тхан-Такх. Один из покинутых в последнюю магическую войну городов...

Город, с которым связано одно старое пророчество, что именно в нем будут жить демоны, кои захотят властвовать над миром? И другое – что от того добрые или злые демоны будут там жить, зависит судьба Аргуэрлайл. Любопытно, любопытно...

* * *

Три дня спустя

...– Ну что ж, – констатировал Мезенцев, осмотрев город. – По крайней мере, теперь отпала проблема, где будет стоять гарнизон. Ты, Капустин, назначаешься военным комендантом.

– Товарищ генерал! – взвился майор. – Да, какой из меня комендант?! Я же разведчик!

– Разговорчики в строю! – рывкнуло начальство. – Ладно, давайте, обустроивайтесь, готовьтесь принимать грузы, гостей. А я – на ту сторону. Мне еще объясняться с Моск-

вой, рассказывать... про параллельный мир. Даже не знаю, как отреагирует Юрий Владимирович.

При упоминании имени грозного генсека люди, собравшиеся во «дворце» на военный совет, притихли. Товарищ Андропов не любил неожиданностей. Все должно делаться и идти в соответствии с линией партии.

– Кстати, – спохватился генерал-лейтенант, – этот ваш город надо как-то назвать.

– Давайте – Новая Москва, – предложил Капустин.

– Новая Москва? – нахмурился Антон Карлович. – Ты еще скажи – Новые Васюки.

Недавно генерал перечитал Ильфа и Петрова, и теперь при всяком удобном случае не упускал возможности щегольнуть эрудицией.

– А почему не Новый Краснодар?

– А причем тут Краснодар?

– Так я из Краснодара!

– А при чем тут ты? Можно подумать, ты его открыл!

– Может, Андропов?

Решил прогнаться перед начальством, Борисов? Не те времена!

– Предлагаю – Октябрьск, – веско припечатал генерал. – Просто и со вкусом.

– Так ведь до праздников вроде еще далеко... – заикнулся археолог.

– Зато сейчас ведь у нас там, – кивнул куда-то в сторону

Антон Карлович, – октябрь месяц.

Октябрьск, так Октябрьск. Не лучше других названий, но и не хуже.

Проводив генерала, майор Капустин пошел осмотреть ветряк, который уже скоро будет готов дать ток.

Электрики разматывали провода, подвешивая их на вбитые в мазаные потрескавшиеся стены гвозди, вполголоса матеря неудобные стремянки и зло дергая запутавшиеся бухты.

– Поосторожней там, – бросил, проходя мимо, Капустин. – Отгорит конец – сами же будете потом чинить.

Державший лестницу лопоухий боец захихикал.

– Чего ржешь? – осведомился воюющий с непослушным щитком другой воин, стоявший на этой лестнице.

– Как это он сказал, ха-ха?! Отгорит конец!

– Балда, это не про то, что ты подумал. Это у электриков так говорят, когда при замыкании провод перегорает – отгорел конец.

– А у нас в Кинешме было дело – алкаш один залез в трансформаторную будку поссать. Ну и у него тоже отгорел конец, – и солдатик вновь захихикал. – С концами.

Майор улыбнулся грубой солдатской шутке. Пусть себе балагурят. Значит, психический климат во вверенном ему подразделении в норме.

Итак, с электричеством особых проблем не предвидится.

Но вот с вещами, вроде водопровода и канализации, он не знал, что и делать. Черт бы побрал этого генерала с новым

назначением!

Предположим, для солдат можно выкопать сортиры, а умываться они будут из колодца. Но вряд ли это понравится офицерам, особенно старшим (одних полковников набралось уже с десятков). Да и гражданские специалисты и всякое штатское начальство... Оно, как показывал его опыт, куда скандальнее военного...

Кстати, а куда местные жители свое дерьмо девали? Может, тут осталась какая-нибудь древняя канализация? Майор обвел взглядом ветхие дувалы.

Да нет, вряд ли тут имело место что-то такое – махровое средневековье с восточным уклоном.

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

Перед ним стоял невысокий худощавый офицер с одной сиротливой звездочкой на погонах.

Младший лейтенант Артем Серегин, командир взвода строителей геодезистов, отличник боевой и политической, и к тому же выпускник строительного техникума. В общем, ценный кадр в их непростых условиях.

– Обращайтесь, – позволил комендант.

Несколько секунд «младшой» молчал, и на лице его скользнуло даже выражение легкой растерянности (впрочем, нет, наверняка, это показалось Капустину, не тот это парень).

– Товарищ майор, – наконец начал он. – Я вот подумал: это же вроде как крепость была? Ну вот, а я где-то читал, что

в крепостях всегда были подземные ходы...

— И что? — с легким раздражением бросил Капустин. — Ну, допустим, были, нам что с того?

— Так ведь... — быстро ответил лейтенант. — Ведь о нем может знать и... Ну, тот, кому не надо. Пролезет еще за стены...

Комендант задумался. А ведь «пиджак» не так уж и не прав. Черт его знает, что тут за местное население и что от него можно ожидать? Конечно, это похоже на паранойю, но... Лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть.

— Ладно, — принял решение. — Возьмешь двух или трех солдат и поищите.

Он несказанно удивился, когда менее чем через час Серегин прибежал докладывать о находке.

— Молодец, Серегин, — похлопал его по плечу комендант, рассматривая лаз, обнаруженный в подвале одного из неприметных на первый взгляд сооружений. — Ну, у тебя и нюх. Что ты в стройбате делаешь? Ты ж разведчик от Бога!

— Вызови ребят из комендантского взвода, — велел майор Серегину. — Пусть пройдут эту кишку насквозь, выяснят, куда она идет. Поставим пост у входа. Мало ли... Пригодится, одним словом...

Вернувшись в палатку, Серегин завалился на кровать и глубоко задумался. Было ему как-то муторно, несмотря даже на успех и командирскую благодарность.

Ну ладно, про тайные ходы он действительно читал и дога-

даться, что такой может быть и в этой крепости, не бог весть что.

Но вот почему он решил, что нужно осмотреть в первую очередь именно этот неприметный флигелек у стены? Словно кто-то толкнул под руку...

Совпадение? Удача?

Не бывает таких удач. Ну что хотите делайте – не бывает!

* * *

...Их уже лет пять как не делали. Наверное, это был один из последних.

Может быть, он возил грузы и пассажиров где-нибудь в Арктике или на Дальнем Востоке. Может – стоял в консервации где-нибудь в воинской части. Может – еще что-то. Быть ему скоро списанным, но вот возникла нужда в простой и надежной технике, и трудяга Ли-2 оказался переправлен в другой мир. Простой и надежный, неприхотливый, способный в случае чего и сесть на неподготовленный аэродром, и взлететь с него – именно то, что нужно в этом мире. И к тому же с радиусом действия почти втрое выше чем у аналогов.

Была у старичка Ли-2 еще одна полезная черта – бортмеханик мог отремонтировать его, севшего на вынужденную – если конечно поломка не убойная. А попробуй – почини даже Ил-18, или Ми-24?

Генерал еще раз осмотрел Ли-2, одиноко стоявший на

краю обширного пустыря – аэродрома Особой группы войск.

Полосу расчистили наскоро, чуть ли не лопатами – но этому воздушному коньку-горбунку хватит.

Экипаж, как понял Сентярьский, подобрался под стать воздушному кораблю. Немолодые лысоватые мужики с глубокими складками на лице, вечным прищуром привыкших глядеть вдаль глаз, и дублеными всеми ветрами лицами. Судя по возрасту, тоже скоро подлежащие списанию.

Сейчас последний из них поднялся по трапу, за ним захлопнулась небольшая, как-то несолидно выглядящая дверь.

Солдатики оттащили трап, убрали из под колес тормозные «башмаки»... Качнувшись, начали раскручиваться пропеллеры.

От чуть покосившегося шеста махнул флажком диспетчер, и машина, фыркая начала разбег.

Сейчас им предстоит пройти почти тысячу километров, описав круг с центром в Октябрьске, отсняв по пути все что покажется интересным, и вернуться. Завтра или послезавтра будет второй полет – на больший радиус. Потом они полетят на поиск городов, о которых говорили гости. Потом... Потом будет видно.

Так или иначе, но наверху видать, отошли от изумления, и спешно переиграв планы, начали осуществлять новую программу действий.

Но вот чем она закончится? Будет ли толк?

Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Звездапада, второй день

Окрестности покинутого города Тхан-Такх (он же Октябрьск)

Кетрер Си, ардик Тайной службы княжества Соунг, взирал со скалы на окрестности запретного города. Прежде тут бывать ему не доводилось — да и что ему, чтящему богов и предков искать в проклятом светом и сумраком граде?

Учителя Кетрера вещали, что там, в Тхан-Такх, среди древних развалин стоит статуя из черного камня, изображающая мужчину с воздетыми над головой руками. Несмотря на то, что она была в рост человека, но сдвинуть ее не мог ни человек, ни животное, ни маг. Всякая попытка подвинуть ее и разбить заканчивалась тем, что затеявший это оказывался поверженным и мертвым — с переломанными костями.

Причем, что интересно, если кто-то пытался использовать животных или нетварей, то кара обрушивалась не только на бессловесных созданий, но и на того, кто их использовал.

Но вот группа разведчиков крехсорского ковена оказалась на гребне скальной стены.

И не требовалось даже слабеньких чародейских способностей Кетрера, чтобы понять, что именно открылось его взору. Сердце его замерло, и целую минуту он не мог не только

говорить, но даже толком думать.

Про такое им не говорили наставники и жрецы, о таком молчали немногие известные ему книги, об этом почти ничего не упоминали легенды.

Но чутьем и рассудком молодой маг понял, что перед ним ни что иное, как проход в потусторонний мир.

Ибо ничего другого висящий над пропастью и уходящий в почти невидимый обычным зрением радужный шар мост, по которому двигались еле различимые повозки без коней, означать не мог.

Впрочем, слишком долго думать об этом Кетрер не стал, ибо куда ближе моста имелся другой объект для наблюдения.

Прямо под ними, внизу, вокруг белого тонкого остроко-
нечного столба с красной полоской суетились крошечные, как муравьи, люди в красной и зеленой одежде.

Там же ползали две непонятные, ранее не виданные им нетвари. Вокруг сооружения были еще всякие непонятные штуки.

– Что они делают? – спросил подползший слева Аор.

– Должно быть, строят храм или обелиск, – выразил свое мнение Кетрер. – Почему я знаю?

Внезапно что-то случилось, и люди вокруг обелиска начали шустро отбегать – и чутье опытного разведчика заставило Кетрера напрячься. Нетвари тоже отползли прочь.

А затем... башенка окуталась белыми клубами, у основания ее блеснул огонь...

И она поднялась в воздух. Медленно, затем быстрее и быстрее... И вдруг понеслась вверх, поравнявшись на мгновение с карнизом, где сидели они, и устремилась ввысь, оставляя дымный след. Рев и гром заставили их вжаться в камни.

– Оборони, оборони Дарга и Диония!! – в ужасе завизжал Тернет. – Оборони-ии!!

– Заткнись!! – навалился на него Кетрер.

Хотя видят Неведомые, он и сам готов был бежать прочь со всех ног.

Те колдуны запустили в небо огненную стрелу! Воистину жуткая магия должно быть у этих пришельцев! В какую цель могла быть направлена такая стрела?! В кого? Даже помыслить об этом было страшно.

– Быстро уходим!! – скомандовал он, все еще прижимая к земле хнычущего Тернета. – Всем все собрать, и чтобы ни одного следа! Ну, скорее! Не зевать!

Он вскочил, подняв за шиворот подчиненного, и, пригибаясь, трусцой побегал к тропинке среди скал, за напряженной сосредоточенностью стараясь скрыть страх – вполне понятный и простительный.

За ним, вздрагивая и оглядываясь, двинулись его спутники.

Октябрьск

Совещание тянулось уже более трех часов, а туман все не хотел проясняться. У Мезенцева от всей этой говорильни, обилия научной терминологии даже стал покалывать левый висок – явный признак начинающейся мигрени.

До чего же любят поговорить эти штатские. Хлебом их не корми, только дай показать свою эрудицию. Нет бы, говорить попроще, чтобы всем понятно было.

И все чего-то требуют, требуют, требуют.

– Еще раз повторяю! – вещал профессор Вольницкий, – нам просто необходима своя научная база! Да-да, которой не побоюсь этого слова надо придать статус особой экспедиции Академии Наук! Нами уже подготовлены списки специалистов...

– Слушайте, товарищ Вольницкий, – не выдержал Мезенцев ученого брюзжания – да только в первом вашем списке сто с лишним человек! Ну, вы бы сразу затребовали бы себе целиком Институт всемирной истории!

– Вольницкий недовольно повел носом.

(Не иначе, себя в начальниках этой самой специальной экспедиции видит!).

– А вы не иронизируйте, Антон Карлович. Идеально было бы и в самом деле организовать институт по изучению этого

мира. А в перспективе – филиал Академии.

Слушайте! – вспыхнул Мезенцев, – в идеале вы можете хотеть хоть вывоза сюда всей Академии Наук вместе с Московским Университетом. Но сейчас от вас требуется не розовые мечты а конкретные дела: нужна узкая группа компетентных спецов широкого профиля, – в зале заухмылялись канцелярскому каламбуру, – которая могла бы консультировать руководство операцией по конкретным вопросам. Или вы товарищи способны только казать фигу в кармане да анекдотики травить?

Хорошо, – похоже Вольницкий решил не обострять ситуацию. Нужны лингвисты, причем лингвисты-практики, имеющие опыт полевой работы, нужны специалисты по разработке методов преподавания языка, которые смогут в сжатые сроки разработать хотя бы нормальные разговорники и учебники, – начал загибать пальцы академик. – В идеале – группа из одаренных ребят, имеющих практические способности к языкам – это, кстати, можно сделать прямо сейчас, прошерстив... ммм воинский контингент. Дальше нужны специалисты по сравнительной этнопсихологии и истории культур, чтобы можно было прикинуть хотя бы вчерне, что собой представляют местные государства и чего можно от них ожидать? И желательно хотя бы пару-тройку биологов, если можно. И еще – я про возможные войсковые операции на... этой территории. Я думаю что нам нужно подождать, до тех пор, пока не выясниться тут живет. И под жидковатые апло-

дисменты присутствующих покинул трибуну.

Страдальческий взгляд генерала принялся бродить по залу.

Пятьдесят с лишним ученых как-то забивали армейские мундиры, хотя тех было как бы не больше.

Ну ничего – сейчас будет по крайней мере доклад человека из его ведомства.

Судя по всему толковый малый, и наверняка сможет доходчиво объяснить, что к чему.

– Товарищ Каиров, доложите, что у вас имеется на данный момент.

На трибуну поднялся смуглый горбоносый человек с легкой сединой на висках, в форме капитана второго ранга с зелеными просветами на погонах – моряк-пограничник.

Он прокашлялся, стараясь сосредоточиться. И Мезенцев его понимал – тот все еще не вполне отошел от невероятной ситуации.

Двое суток назад кап-два Каиров Тэ А мирно явился на службу в штурманскую часть штаба Каспийской пограничной флотилии, в положенные 8.30. А спустя пятнадцать минут за ним пришли двое в штатском, показали предписание, и ничего не объясняя отконвоировали, иного слова не подберешь, на аэродром, где посадили в транспортник, идущий на Душанбе. Потом он часа три тащился в раскаленном кунге грузовика, из которого вышел только в этом вот странном полуразвалившемся городе. И только там ему объясни-

ли, что он на другой планете и от него требуется выяснить все, что касается местных светил и астрономии.

– Ну что же вы, товарищ капитан? – нетерпеливо подбодрил его Мезенцев.

– Итак, – еще раз кашлянул Каиров, вернувшись к действительности, – вот что у нас получилось. Судя по астрономическим вычислениям по двадцати главным звездам, эпоха примерно соответствует концу XX века...

Собравшиеся вразногласицу загомонили, несколько человек синхронно присвистнули. А Мезенцев отметил, как нервно побледней Байлаков, и растерянно начал листать свой блокнот.

– Прошу прощения, а что значит: «примерно соответствует»? – подал голос какаой-то подполковник с инженерными петлицами. Мезенцев его не помнил – это был человек из тихомировских – тот кстати еще не прибыл.

– Я всегда, грешным делом считал, что астрономия наука точная.

– Понимаете, – замялся Каиров, – дело в том, что обнаружили некоторые странности – несколько важнейших звезд находятся не совсем там, где им следовало бы, а движение планет Солнечной системы вообще весьма заметно отличается от того, что мы наблюдаем у нас. Видите ли, изменилось не только расчетное местоположение всех восьми наблюдаемых планет относительно здешней Земли, но и, кажется, орбиты некоторых... И кое-какие звезды тоже, повторюсь, как

будто не на месте.

– Нич-чего себе! – крикнул не сдержавшись Мезенцев. – Звезды у них, выходит, не на месте. Этак, чего доброго...

Он не стал уточнять, к чему может привести самовольство небесных светил.

– А Земля тут, у вас, надеюсь, на месте?

– Нет, орбита Земли, слава Богу, не изменилась, – без тени улыбки ответил моряк. – Но вот угол наклона оси градусов на двадцать больше, чем в нашем мире. А с магнитными полюсами вообще жуткая картина – Северный приблизительно где-то в районе Мурманска, а Южный – в Тихом океане неподалеку от Новой Зеландии, если только...

– Если только что? – цепко впился в него взглядом штатский при последней оговорке.

– Если только и Тихий океан и Новая Зеландия тут наличествуют, – буркнул кавторанг. – И, наконец, еще одно. Здешняя Луна, как бы это сказать, не совсем в порядке.

– То есть? Надеюсь, нам на голову она не свалится?

– Нет, до этого, надеюсь, не дойдет, но факт есть факт. Орбита Луны без изменений, но ось вращения самого спутника, как и ось вращения Земли сильно наклонена. Фактически, наша бедная старушка Луна лежит на боку, повернувшись к нам южным полушарием. Да и магнитное поле тут ровно в один и восемь десятых раза больше, чем у нас.

– Это все, что ваша наука может сказать по поводу здешнего мира? – поинтересовался Антон Карлович.

Его мигрень не только не прошла, а наоборот, все усиливалась. Еще полчаса этого словоблудия, и голова взорвется, словно осколочная граната.

— Это все, что удалось выяснить за столь короткое время, — закончил доклад кавторанг. — Извините, если мое сообщение мало что прояснило. Я знаю мореходную астрономию, и знаком в общих чертах с астрофизикой — на уровне журналов нашего Астрономического общества. Но что касается космогонических проблем и свойств Вселенной — еще раз говорю, это не по моей части.

«Лет тридцать назад, товарищ подполковник, — мысленно погрозил моряку пальцем генерал, — вас за подобные разговорчики отдали бы пожалуй под трибунал».

Каирова сменил начальник разведки — полковник Санин, развесив на стене за кафедрой большие полотнища фотоснимков и здоровенную карту, сияющую разноцветной краской.

Это данные полученные с помощью съемок с метеорологической ракеты, благодаря которым нам удалось получить более менее-подробную карту окрестностей в радиусе тысячи с лишним километров.

Повставав со стульев и лавок, высокое собрание сгрудилось у кафедры.

Посмотреть было на что. Очертания морей и берегов, гор и рек, хотя и имели сходство с Земными, но выглядели так, так, как будто их сначала смяла какая-то сверхсила, а затем,

вдоволь помесив и перекрутив, вновь разгладила.

Ни Аральского моря, ни Каспия в наличии не имелось. Несколько стекающих с гор рек и множество речушек вливаются притоками в одну большую реку, текущую к северо-западу и исчезающую за пределами карты где-то в районе земной Астрахани. Еще одна большая река текла с гор куда-то к югу.

С юга – там, где расположился вход в этот мир, – имелись огромные горы – не хуже Гималаев.

Багряные и серо-желтые полотнища пустынь, бледные изумруды оазисов, яркая зелень речных долин. И либо ровные круги, либо прямоугольники то тут, то там – скорее всего, города.

Что ж, – подвел итог Мезенцев. Единственное что мы можем сделать сейчас-это провести разведку непосредственно силами вверенных нам частей.

Поэтому, – кивок в сторону Санина, – авиация и ракеты это конечно хорошо, но тем не менее – приказываю в течение суток разработать и подготовить глубокий рейд силами до одного разведбата, в направлении которое вы сочтете самым лучшим и целесообразным, на максимально возможную дальность. Доложить план операции завтра в девять ноль-ноль.

И в главном я с товарищем Вольновским согласен – до того как мы определим – что это за мир, любые предложения считаю преждевременными.

Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Звездопада, пятый день

Окрестности Октябряска

– То есть? Там впереди что – люди?

Так точно, товарищ командир – впереди судя по звуку происходит боестолкновение с применением холодного оружия и кавалерии, а также возможно огнестрельного оружия, – доложил еще раз сержант, по уставному пожирая глазами начальство. По крайней мере – что то там подозрительно грохнуло.

Майор Макеев сжал челюсти. Да – чертовы летуны клялись что на полсотни камэ в радиусе нет ни единой живой души. И вот на тебе. Шел шестой час марша – в их задание входило пройти ближайшие окрестности по дуге, и вернуться. Ничего существенного им не попало, и майор Макеев теперь знал – на что похожи другие миры – на высохший пыльный каменистый распадок, с редкой зеленью и жарким не по осеннему солнцем.

Еще час – и им можно было бы поворачивать.

Хорошо что когда его бронегруппа остановился на привал, он послал вперед пешую разведку – иначе бы они со всего маху въехали в местную драчку.

Впрочем, драчка почти рядом с гарнизоном – это как ни

крути – потенциальная угроза.

Это могли быть два отряда местных феодалов, делящих какой-нибудь выпас или тесную долину, разбойники, отбивающие от стражи, наконец – стычка двух враждующих шаек из-за добычи.

Но что им было делать? Трусливо отступить или, того лучше – спрятаться? Бессмысленно стоять, ожидая невесть чего? Не вмешиваться?

Но, в конце концов, они зачем-то сюда пришли в этот мир? Уж во всяком случае, не за тем, чтобы пугливо отсиживаться в старой крепости, которой так не идет ее «революционное» название.

«Все равно когда-то надо начинать воевать» – мысленно махнул рукой майор.

Да и языка взять не мешает.

Несколько минут интенсивного радиообмена с подчиненными, и колонна двинулась в бой – первый настоящий бой для всех ста двадцати с небольшим человек разведроты.

Вперед выдвинулись три «коробочки» БРДМов, позади них на дистанции в сто метров двигались шесть БТР. Последними двигались грузовики с пехотой и минометчики, прикрываемые двумя бронемашинами.

Колонна разведчиков уверенно продвигалась вперед, по старому тракту, пролегавшему между двух скальных уступов.

Передовой БРДМ внезапно встал, и капитан Марков вме-

сте с полудюжиной разведчиков прыгнули с брони, сгрудившись вокруг чего-то. Потом один из разведчиков быстро отскочил на обочину, зажимая рот, за ним другой...

Реакция ребят яснее ясного сообщила майору – что они там нашли. Он это видел уже – за речкой.

Михаил Иванович! – прохрипел ларингафон, – на связи Марков, – тут у нас труп. Выскочив из газика Макеев подошел к машине ротного, и убедился – да, именно так. Поперек дороги лежал полусгоревший труп.

Мертвец тянул к ним скрюченные почерневшие руки, напомним майору ожившую мумию из какого-то американского фильма (в его родном Выборге финское телевидение ловилось временами не хуже нашего).

Пахло подгоревшими котлетами, и Макеев тоже не без труда сдержал позыв сблевануть. Но пересилил себя, и не отводя глаз принялся изучать находку.

При жизни, судя по всему, это было воином старого времени – рядом лежал обугленный щит и почерневший меч. Остатки доспеха были буквально вплавлены в почерневшую плоть.

И что пожалуй самое неприятное – мертвец зажарили совсем недавно – пара часов от силы, если только опыт его не обманывал.

– Ты это видел, Саня?! – с лихорадочным блеском в глазах почти выкрикнул Макеев, оборачиваясь к Маркову. – Нет, ты это видел?! Ну, консультанты! Ну, блин, гнилые интелли-

генты! Тут е-мое, примитивная цивилизация!

Над несчастным явно поработал огнемет, да еще заряженный какой-то особенно жгучей дрянью – иначе бы камень вокруг него не расплавился.

– Ну, ученые мудили! Ну...!!!

Капитан вполне понимал ярость командира и товарища. Одно дело – чудики с луками или копьями, как сообщили им научные консультанты – демонстрируя найденное тут снаряжение какого-то жмурика. И совсем другое дело, если тут все же имеется что-то посерьезнее. Пусть даже у них огнеметы вроде византийских – с ручными мехами, плюющие струей метров на двадцать-тридцать, то и тогда им будет элементарно спалить броник из засады. Особенно учитывая, какого качества тут огнесмесь: почище напалма будет!

– Двигаться с максимальной осторожностью! – отдал приказ Макеев.

Однако добежать до своего БРДМа успели не все.

Внезапно разведчиков накрыла волна неизвестно откуда выпущенных стрел.

Две стрелы прошли мимо майора, хотя и что называется, в опасной близости.

Третья попала в магазин автомата бежавшего рядом ефрейтора Коркина. Четвертая скользнула по ноге, распоров кожу бедра и заставив ефрейтора заорать от неожиданно сильной боли. И в тот самый момент, когда он широко раскрыл рот в крике, арбалетный болт, нацеленный точно в гор-

ло, ударил в его нижнюю челюсть, глубоко уйдя в кость.

Багровая вспышка затопила окружающий мир, а затем подступивший шок милосердно погасил боль, буквально выжигающую мозги.

Но в эти мгновения бессознательно Коркин сделал то, что должен был сделать, и выпущенная вслепую автоматная очередь смахнула с гребня и стрелков, и еще с полдюжины выскочивших из-за скал разбойников.

Когда по тебе стреляют, с явным намерением – прикончить, все посторонние мысли уходят куда-то прочь, и включаются древние как мир инстинкты. Тем более, когда речь идет о солдатах, прошедших соответствующую дрессировку не где-нибудь, а в Афгане. Бойцы мгновенно залегли и открыли огонь, следом за ними начали палить выскочившие из грузовиков их товарищи.

Солдаты вразнобой выпускали очереди, молотя по всему, что шевелится.

Однако они не заметили, вернее, не обратили внимания на еще одного противника – высокого, грузного и краснолицего немолодого мужика, в длинном шитом золотом кафтане. Может быть потому, что тот был безоружным.

Он медленно брел в их сторону и взявшие его на мушку бойцы опустили автоматы, шаря глазами в поисках других целей. И напрасно, как оказалось.

Мужик приблизился настолько, что им хорошо стало видно его отекавшее багровое лицо, искаженное судорогой.

Затем произошло следующее.

Вытянув перед собой руки, как слепец, он сделал неуверенный шаг по направлению к ним. Внезапно вокруг кистей рук бородача возникло лиловато-багровое свечение, он свел их вместе... И его сжатые кулаки извергли сдвоенную почти прямую молнию, соединившую его с ближайшей бронемашинной. Тут же из люков вырвались искры и дым, посыпались вопящие фигурки, отчаянно сбивающие пламя с маскхалатов. Затем плюнуло рыжим и черным, и на месте БТРа запылал костер. Человек торжествующе захохотал, воздев по-прежнему сведенные руки высоко над головой...

Так он и умер, с торжествующей усмешкой на губах, разрубленный почти пополам очередью из ручного пулемета, выпущенной с двух десятков метров.

Оказавшийся сбоку от него рядовой Анастасис Ламярвичус был одним из лучших пулеметчиков своего полка.

Но затем произошло нечто не менее странное – откуда-то из за камней выскочил размытый силуэт какой-то невероятной твари. Хотя у создания было как потом выяснилось, шесть ног, но из за стремительного бега казалось что их вдвое больше. Тело его – тело какого-то леопарда-переростка, покрывали толстые роговые чешуи, а хищная вытянутая пасть скалилась клыками.

К чести бойцов разведроты, они не испугались – вернее, даже не успели испугаться. Хотя вид у монстра был совершенно невероятный, они безошибочно сообразили что оно

явно собралось ими позавтракать.

По шестилапу ударило сразу с дюжину очередей.

Половина пуль ушла мимо, оставшиеся срикшетировали от плотно прижатых костяных пластин – стреляли под неудачным углом.

Но хотя пули калибра 5,56 и не пробили панцирь страшилица, все же свою роль они сыграли, ибо сила их удара была все равно весьма велика.

Существо испытало примерно то же, как если бы целая толпа штангистов отмолотила его ломами.

Жуткое создание замерло, притормозив сразу тремя парами лап, и принялось вертеться на месте, хрипло завывая, терзаемое болью в отбитых внутренностях и костях. И в этот момент рядовой Борисов не целясь выпустил в гадину гранату из подствольника, и что удивительно – попал.

Глухой вскрик – как будто мяукнула исполинская кошка – и растопырившая ноги туша подброшенная в воздух рыжим пламенем взлетела вверх и шлепнулась на камни с развороченным брюхом.

Солдатам однако некогда было праздновать победу – сразу западением шестилапа последовала новая атака – на этот раз из ущелья выкатилась прямо на них толпа грозно вопящих субъектов с луками и арбалетами.

Воздух наполнили щелканье тетив и свист стрел.

Но арбалетные болты почти все прошли мимо, выбив искры из камней вокруг солдат. Лишь несколько угодило в бро-

нежилеты солдат, да еще один пробил лобовое стекло «Урала» и глубоко ушел в обивку кресла чуть левее виска водителя. Но дело было сделано.

Когда по тебе стреляют, с явным намерением – прикончить, все посторонние мысли уходят куда-то прочь, и включаются древние как мир инстинкты.

Тем более, когда речь идет о солдатах, прошедших соответствующую дрессировку. Солдаты мгновенно залегли и открыли огонь, следом за ними начали палить выскочившие из грузовиков их товарищи.

В ответ почти никто не стрелял. Перезарядить арбалет – а тем более на бегу – занятие долгое, а вот времени у спасающихся бегством разбойников как раз и не было.

Лишь один из них – невысокий и скуластый лучник, умудрился, прежде чем получить три пули в грудь, выпустить пять стрел, и все они попали точно в цель. А целился он – как его учили сызмальства, и как гласили вбитые уже в подсознание рефлексy, в самую уязвимую часть тела: в грудь и живот.

И стрелы с обсидиановыми наконечниками – теми, что наносят особенно скверные раны, раскалываясь при ударе в кость на множество мелких осколков, безвредно сломались, попадая в бронежилеты.

А потом пускать стрелы и болты стало некому.

Половина пуль пролетела мимо целей, и пули АКМС-74 не имели той убойной силы, которой обладали пули его стар-

шего брата модели сорок седьмого года, или старой английской винтовки «Бур» калибра девять миллиметров, силу которой кое-кто уже наблюдал побывав за рекой Пяндж.

В магазинах автоматов не было ни запрещенных разрывных пуль, ни мало чем уступающих им шариковых или со смещенным центром тяжести, ни оставляющих жуткие ожоги трассеров, ни бронебойных с игольчатым сердечником.

Но и этого хватило с избытком. Тем более, в полном соответствии с принятой здесь тактикой, прорывающиеся старались держаться сомкнутой массой, чтобы быстро прорвать вражескую цепь, не дав мечникам окружить себя и втянуть в рукопашную.

Бежали не пригибаясь, в полный рост, воинственно вопя и размахивая клинками напоминая мишени на стрельбище.

Все было кончено буквально в полминуты.

Несколько смертельно раненных оглашало долину стонами в наступившей после грохота десятков стволов тишине, да осыпались камни за кем-то из счастливых, чудом ускользнувшим от свинцового шквала.

Бой был закончен.

Оставалось выяснить — что здесь происходило и с кем дрались напавшие на них люди до того.

Уже издали глазам Макеева предстало довольно странное зрелище: майор Макеев, стоящий на коленях, и настойчиво что-то ищущий в траве рядом с трупом краснолицего толстяка. Его командир не побрезговал даже несколько раз пе-

ревернуть окровавленную тушу.

Подбежав, капитан тоже машинально принялся ворошить носком сапога редкую сухую траву горного склона.

Через минуту комбат закончил свои поиски и остервенело сплюнул.

– Ну и где же она??

– Что? – не понял капитан.

– Что-что! Та х...ня, которой этот урод спалил машину, что ж еще?!

Еще какое-то время они оба обшаривали все в радиусе метров пяти от трупa, заглядывая под каждый камешек, под каждый кустик. Но ничего, похожего на оружие (да и вообще ничего) не нашли.

– Что же это могло быть? – произнес, вновь сплюнув под ноги, Макеев, признав, наконец свое поражение. Да, что же это может быть? – повторил он. – Ведь саданет из такого в упор – и хоронить не надо будет!

Мороз по коже продрал Александра, при мысли о том, что это могло быть... Разнообразные бластеры, лазеры, лайтнинги и скорчеры, о которых он прочитал в книгах или которые видел в кино пронеслись перед его мысленным взором.

Тем не менее, он взял себя в руки.

– У меня есть идея, – сообщил он. Когда-то здесь была высокоразвитая цивилизация вроде нашей. Затем она погибла – в атомной войне или еще как-нибудь, но кое-какие запасы с тех времен сохранились. Кстати – и зверушка тогда понят-

но откуда – мутант.

– Мудант! – раздраженно бросил майор. Ты поменьше фантастику читай!

Давай по машинам – выдвигаемся.

В полной готовности они двинулись к выходу из ущелья – мало ли: может быть противники разбитых только что головорезов встретят их не более приветливо.

С первого же взгляда было ясно – в этой безымянной долинке произошло старое как мир событие – разбойники напали на купеческий караван.

В центре долины сгрудилась мешанина верблюдов, быков, коней, повозок – люди явно пытались защитить свой товар. И судя по разбросанным вокруг истыканным стрелами трупам людей и животных, по разбитым и сожженным повозкам, не очень успешно.

Правда разбойникам тоже пришлось несладко – о чем говорило с полдюжины обугленных трупов, и такой же обгоревший сморщенный шестилапый урод, напоминающий сейчас прибитого таракана-переростка.

Из за импровизированных баррикад, над которыми курился дымок, на неожиданных гостей потрясенно взирали торговцы.

Держа на всякий случай караван на прицеле, боевые машины медленным ходом двинулись к аборигенов.

Те похоже пребывали в полной прострации переживая свое счастливое избавление.

– а тут еще появление непонятных чужаков...

Так что – рискнуть и вступить в контакт с братьями по разуму?

В конце концов рано или поздно это придется сделать – опять же хоть Макеев историю средних веков знал больше по романам, но не слышал чтобы в благодарность за спасение где-то полагалось резать и убивать спасителя (но даже если и так – ответить на это найдется чем).

Первое что увидел майор, спрыгнув на землю, был дородный бородач в цветастом бурнусе, который ползал на четвереньках среди черепков и масляно блестящих луж, что-то жалобно причитая. Комбат подошел.

Вблизи у него даже перехватило дыхание от густого сладкого аромата.

Видимо, это и были те самые пресловутые благовония, которые так дорого ценились в древности. Вспомнив, пару исторических романов, прочитанных в школе, и то, что там писалось о стоимости ароматных снадобий, майор от души посочувствовал торговцу.

Тут же лежали недвижные туши верблюдов, тащивших драгоценный груз.

Подняв глаза на майора, тот что-то забормотал, смахнув слезу.

Майор подумал, что может быть в этот товар были вложены все деньги купца, и теперь он нищий.

Тут подскочил еще один караванщик, и что-то забормотал

на незнакомом языке.

Показывая на машину он несколько раз повторял слово «кукх» – то ли вопросительно, то ли утвердительно.

Махотин виновато развел руками: мол, не понимаю. Но про себя отметил это, встревожившись. Неужели же этот тип видел что-то подобное?

– Товарищ майор! – браво отрапортовал подлетевший к офицерам рядовой Чуб. – Там это, языков взяли. Пытались в «зеленке» спрятаться – он ткнул в небольшую рощицу на склоне.

– Да ты что?! – обрадовался Макеев. – Ну-ка, ну-ка!

Пленники покорно сбились в кучу, подняв руки кверху в, наверное, универсальном для всех миров и времен жесте, означающем безоговорочную сдачу в плен.

Зрелище они представляли собой сейчас очень странное.

Пожалуй, Макеев затруднился бы даже определить чувство, которое испытывал, глядя на них.

Чувство некоей странности, и... неправильности, что ли? Как будто перед ним были ожившие сказочные персонажи. Али-Баба и сорок разбойников.

Картинка и вправду была колоритней некуда.

Выстроенные шеренгой мужики – всего десятка два. Все смуглые и обветренные, у многих хищноклювые носы вполне кавказского вида, хотя хватало и людей среднеевропейской внешности – встретишь на улице, и не обернешься.

Правда, имелись и более экзотические личности.

Один был темный, почти черный, но вместе с тем на негра явно не похожий. Со слегка выющимися рыжеватыми волосами, прямым носом, тонкими губами и глазами блекло-желтого оттенка. Другой – с серой кожей, но при этом светловолосяный и зеленоглазый. Еще один – медово желтый, но крупный, и вроде как с арабскими чертами лица.

Все, как на подбор, обросшие косматыми бородами. У некоторых они даже были выкрашены в синий и темно-красный цвета (правда, изрядно вылинявшие). Только трое или четверо сводили растительность на лице, а еще у одного борода была выбрита только с одной стороны.

Косматые сальные гривы соседствовали с более-менее аккуратными косичками (иногда по два десятка на голову), или даже узлами на темени – как у женщин в их мире. Или у японских самураев – припомнил майор картинки из старой книги. Некоторые заплели в косы даже бороны, украсив их игривого вида бантиками.

На щеках и лбах – и даже на шеях и ладонях – у многих были выжжены клейма, иногда не одно.

Одежда их вполне соответствовала тому, что писали о «работниках ножа и топора» в старых романах. По большей части на вид добротная и должно быть дорогая, но явно знавшая лучшие времена, грязная и рваная.

На грязных мозолистых лапищах блестели перстни и браслеты – золота, правда, было маловато: все больше серебро и бронза с мелкими аметистами и бледной бирюзой. При-

чем, про кое-какие изделия можно было твердо сказать, что предназначались они для женщин. Вот взять хоть ту тонкую цепочку с фигурными висюльками, что в несколько рядов обвивается вокруг бычьей шеи «серого».

У некоторых в ушах были серьги – иногда по две и даже три в каждом ухе, а у одного – Макеев сперва даже не поверил глазам – в носу было продето кольцо литого золота. Что любопытно, на вид то был не какой-нибудь папуас, а тип вполне нордического вида с русой бородой и синими глазами.

В общем, пленники, несмотря на как будто грозный вид, не производили впечатления по настоящему опасных. Скорее уж, походили на каких-нибудь участников веселого карнавала, переодевшихся в «стр-р-р-ашных лесных разбойников».

Взгляд майора невольно перешел на разложенные в ряд трупы, выглядевшие как... как попавшие под артобстрел артисты бродячего цирка.

И тут только он понял – как же их много, этих павших.

Не далее как час назад его разведчики отправили на тот свет больше полусотни живых душ. И это несмотря на строгий приказ начальства «без надобности не проливать лишней крови местного населения». А кто определит грань «надобности»?

Впрочем – взгляд его обратился в сторону валяющихся поодаль тел караванщиков – местные бандиты получили то,

что несли другим.

– Ты посмотри, это же целая Третьяковская галантерея на мужике! – Чуб с интересом разглядывал татуировку на разбойнике.

Огромный, заросший диким волосом буквально до глаз – даже из ушей и носа торчали пучки волос, он смотрелся рядом с Чубом (кстати, тоже не самым мелкорослым) как медведь рядом с человеком. Лоб украшал выжженный каленым железом прямоугольник с вписанным в него луком и стрелой. На левом виске – готовая к броску змея.

Руки его смахивали каждая на добрый свиной окорок. Да что там говорить, даже толщина запястий просто поражала всякое воображение. Густая шерсть на этих ручищах не мешала разглядеть плохо зажившие широкие шрамы, браслетом опоясавшие запястья. Происхождение их не требовало пояснений.

– Да, браток, и как для тебя кандалы-то подходящие подобрали? – бормотал прямо-таки восхищенно изучавший аборигена Чуб. – Этакого кабана надо на цепь привязывать, на какую бугаев сажают. У нас точно таких наручников не делают. Ну, разбойничья рожа, ну бандюган! Такого в темном переулке встретишь – помрешь со страху.

– погоди! – встрял кто-то из солдат. – А, может, это Робин Гуд местный?

– Да ладно, с такой харей робингуудов не бывает, – хмыкнул Чуб. – А, кстати, дядя, а что это ты там прячешь?

Он подскочил к громиле, и извлек откуда-то из складок кожаного кафтана короткий узкий нож.

– Ну, жук, – недобро осклабился парень.

Он пнул сапогом по голени амбала, тот только скривился, да что-то жалобно пискнул.

– Рядовой Чуб, как вы себя ведете?! – счел нужным вмешаться Макеев.

– А что такого, товарищ майор, – послушно вытянулся по стойке «смирно» солдат. – Вот, сами видите, изъял «перо» у гражданина душмана.

Надо было бы приструнить разошедшегося подчиненного, но тут комроты подумал, что, пожалуй, Чуб сделал доброе дело, и пленных следовало бы обыскать еще раз.

Результатом повторного обыска стали полдюжины ножей, спрятанных в голенищах, рукавах и даже в специальных ножнах, привязанных в паху («Чуть мимо сунешь – и уже можно в гареме евнухом работать», – прокомментировал какой-то остроумный боец).

Кроме этого были обнаружены две длинные и острые иглы, спрятанные в прическе одного из пленников, вполне боеспособный медный кастет, висевший на шее на кожаном ремешке у темнокожего, (видно, принятый в первый раз за какой-то амулет). И набор отмычек, которые хранил в поясе «серый».

Все это было свалено туда же, куда и остальное оружие.

Допросить пленных оказалось делом практически невоз-

можным. Они не реагировали на слова ни одного из распространенных европейских языков. Макеев с Марковым, напрыгши извилины, выдали на гора по паре фраз на английском, немецком, французском, испанском и итальянском. Безрезультатно. То же произошло и с латынью – на помощь пришел батальонный лекарь.

Привлекли многонациональный воинский контингент. Таджикский, татарский, казахский, грузинский, армянский, азербайджанский и даже корейский – аналогичные результаты.

Аор покачал головой.

То, что чужаки прибыли откуда – то из очень далеких мест, Аор Тахрис Арс Мак понял уже с первых мгновений боя, когда «зелено-пятнистые» сумели отбить атаку разбойников, среди которых было не меньше половины «бешеных», а затем уничтожили Кетрера Отступника – не самого слабого мага в крехсорском ковене.

(Далеко бы пошел жирный урод, если б не поссорился с князем).

Превратившись в самое внимание, Арс Мак стал внимательно наблюдать за «зелеными», анализируя их поведение.

Он видел, как двое воинов, судя по тому, как к ним обращались, офицеры, о чем-то долго друг с другом препирались на повышенных тонах над трупом Кетрера, тыча пальцами то в него, то вокруг. Потом что-то искали.

Неужели их удивила в общем-то несложная манипуляция

с магическим огнем?

Заметил, как несколько раз солдаты незаметно снимали с убитых перстни или броши и украдкой засовывали в странные мешочки, нашитые прямо на одежду. Что ж, выходит, ничто человеческое «пятнистым» не чуждо, а дисциплина в их отряде явно хромает. Ведь всем известно, что нельзя брать что-либо на поле брани до тех пор, пока боевой маг не проведет соответствующих ритуалов. Ибо можно наткнуться на зловредную волшбу – или просто на отравленный шип.

Но больше всего заинтересовали Аора странные нетвари в железном панцире, верхом на которых передвигались пришельцы.

Даже осмелился спросить о них у старшего из офицеров. Однако тот не понял.

Тогда Арс Мак напряг свои способности и принялся прощупывать удивительное создание. Минуты ему хватило, чтобы определить – это вовсе не живое существо, но и не простая повозка.

Он ощутил силу огня, бьющуюся за стальными стенами, ощутил силу молнии, текущую по странным жилам, и еще одну огненную силу – но не живую, а как бы спящую, которая была заперта в стальные кувшины. (Могущественные, сколько превосходной стали потрачено!).

И еще – внутри сидели люди, которые заставляли это мертвое, но вместе с тем не совсем мертвое существо двигаться. И был там еще кто-то, или скорее что-то – тоже не

совсем мертвый, и способный как бы думать – хотя и с умом куда меньшим, чем у ящерицы или землеройки – питающийся силой молнии.

Маг даже сжал ладонями голову – настолько непонятным и удивительным было то, что он увидел.

Нет, это нужно было обдумать, а сначала – хотя бы понять.

Ладно, надо осмотреться, пока все не прояснится окончательно.

Марков устало оперся на броню головного БТР. Сказывалось ли схлынувшее боевое напряжение, или еще что-то, но силы покинули его.

Отрешенно он слушал разговор командира с базой: радист, еще вздрагивающий от пережитого, не без труда наладил связь.

... – Так точно, товарищ полковник... Как дела? У нас тут произошло боестолкновение... Похоже разбойники, грабившие местных. Пусть пришлют врача... Потери? Раненые? Нет, у нас только несколько легких и один средней тяжести. Одному парню из каравана разбойнички выпустили кишки – если не поможем, определенно загнется. И пусть еще прилетит кто И пусть еще прилетит кто-нибудь из артиллеристов или инженеров – у нас уничтожили бронетранспортер непонятно чем.

...– Никак нет, не из задницы подбили, товарищ полковник. Я действительно не знаю что это за оружие, должен посмотреть специалист... Да никак не выглядит, мы его еще не

нашли... Я не пил... Хорошо, по прибытии представлю подробный рапорт, хотя... Так точно, представлю и без всяких «хотя»... Я повторяю, товарищ полковник, тут действительно ситуация непонятная, и по радио не объяснишь.

Товарищ капитан – разрешите обратиться?

Это был командир отделения из третьего взвода – осетин Исса Нухаев. Рядом с ним стоял, о чем то умоляюще лопоча, немолодой человек в странной полосатой рубаше с капюшоном. Кто-то из спасенных ими путников.

– В чем дело, товарищ сержант? – напустив на себя строгий вид, спросил капитан.

– Вот, – как-то виновато бросил боец, – он не дает хоронить тех убитых. Прямо-таки в ноги кидается.

– Ну и не надо – нам меньше работы. Может, у них принято покойников бросать прямо где померли – почему знать? – буркнул лейтенант.

– Да нет, – солдат выглядел сконфуженным. Он хочет, чтобы мы их взяли с собой.

Человек вновь что-то залопотал, умоляюще прижимая руки к груди, а потом подбежал к склонившемуся над одним из раненных человеку с лентой, и потащил к покойникам, что-то втолковывая ему, и указывая в их сторону.

Местный знахарь, остановившись у одного неподвижных тел, несколько секунд внимательно смотрел в их сторону, а потом подозвал капитана жестом.

Пожав про себя плечами, Марков приблизился.

Тогда тот опустился на колени, приложив ладони ко лбу жертвы разбойников, что-то пробормотал...

И мертвец... зашевелился. Затем жалобно застонал, приподнялся – и ту же вновь замер, недвижим.

Стоявший рядом Нухаев вздрогнул, и рука его сделала какое-то движение, как будто он хотел перекреститься.

Но лейтенант не испугался (или, если уж по честному, почти не испугался).

Во первых, покойники, как известно, оживать не могут, во вторых – он почти мгновенно догадался – в чем тут дело.

Черт возьми, неплохо придумано! Вогнать в человека стрелу с парализующим снадобьем, а уж потом без помех скрутить и взять в плен. Тут ведь наверняка процветает работорговля, а значит, нет никакого резона убивать тех, кого можно выгодно продать... Странно, что у них на Земле до такого не додумались.

Чтобы подтвердить догадку, он подобрал одну из валявшихся стрел.

Древко было не круглым, как он ожидал, а аккуратно – без заноз и заусенцев, оструганным на восемь граней.

Так и есть – недлинное тонкое жало костяного (хм) но острого наконечника, хранило в бороздках что-то похожее цветом и видом на битум.

Навершие стрелы украшало деревянное утолщение, не дававшее ей, видимо, втыкаться глубоко в тело жертвы.

Все продумано – если человек – это товар, то зачем его

портить?. Да, гадость конечно – типичная феодальная дикость. Ну ничего – мы тут наведем порядок...

Подумав так, он отправился туда где санинструктор хлопотал над ранеными.

Было их мало – два разбойника, поймавшие пули в ноги, ефрейтор Коркин, слабо стонущий из под скрывшей лицо повязки, да еще экипаж подбитого бронника.

К счастью никого серьезно не обожгло. Только кисти рук и лица, опаленные брови, да краснота на спинах и шеех.

Маскхалаты конечно к чертям – ну и черт с ними.

Нет – рядового Смагина, кажется, зацепило всерьез.

Он тихо шипел сквозь зубы, не в силах раздвинуть заплывшие красные веки с начисто сгоревшими ресницами. Вся верхняя часть лица приобрела цвет, неприятно напоминающий свежееободранную тушу. Из трещин лопнувшей кожи сочилась белесая сукровица. Кажется, Макеев поторопился сказать, что тяжелых у них нет.

Как бы не пришлось отправлять парня на Землю.

Повернувшись, капитан обнаружил, что к ним направлялся тот самый парень с травяного окраса лентой на шапчонке.

Должно быть, как истый служитель Эскулапа он хотел предложить свою помощь. Удрученный санинструктор только отмахнулся от него, но тот не обратил внимания, лишь заинтересованным взглядом скользнув по разложенным на брезенте медикаментам и инструментам.

Потом присел на корточки рядом с увечным, положил ла-

дони ему на щеки – и багряный, налитый кровью ожог начал бледнеть буквально на глазах.

Все присутствующие с открытыми ртами наблюдали за происходящим.

– Ну, прям Джуна Давиташвили! – только и вымолвил Марков.

– Электросекс! – восхищенно подхватил стоявший рядом Чуб.

– Кто? – переспросил капитан.

– Электросекс, товарищ командир, – смущенно повторил боец. – Или электросенс? Ну, так вроде называют тех, кто может всякую такую... ну, кто, в общем, без лекарств лечит. – Слышал я про такое, – с толикой профессиональной ревности сообщил старшина-медик. Вроде называется лечебный гипноз: человеку внушают что он здоров, и он выздоравливает. Даже паралитиков так можно на ноги поднять, говорят.

– Что тут у вас? – полюбопытствовал незаметно подошедший Макеев.

– Да вот, цирк бесплатный, – отозвался Георгий. – Местный экстрасенс проводит сеанс исцеления руками.

– Ну-ну, – заинтересовался майор. – И успешно?

– Да вроде как...

– Тогда молодец! Надо бы его на довольствие поставить! И сто грамм боевых налить. Не видишь, человек умаялся.

Лекарь и впрямь выглядел не лучшим образом. Весь осу-

нулся. Кожа из темной стала какой-то серой.

Вдруг, растолкав товарищей, вперед пробился Серегин, подсел к эскулапу и протянул ему обе руки. Тот отрицательно покачал головой, отводя мягким движением ладони солдата. Но парень настойчиво протянул их вновь, при этом указав на вполне пришедшего в себя Смагина.

Целитель еще секунду колебался, но все же взял Артема за запястья и прикрыл глаза.

Через минуту-другую его глаза живо заблестели.

А Серегин, напротив, почти мгновенно побледнел и осунулся, по его телу несколько раз пробежала легкая судорога.

После того, как «донора» передернуло в третий раз, местный экстрасенс решительно отпустил ладони Артема, затем несколько раз надавил пальцами на какие-то ведомые одному ему точки на запястьях лейтенанта и пошел к раненым.

– Вот так, подзарядил человека, – хрипло бросил Серегин Макееву.

– И зачем? – бросил тот.

– Надо было, – не по-уставному ответил рядовой. – Он нашему помог...

– А ты как узнал? – недоумевающе спросил его Марков.

– Догадался, – устало бросил Серегин и, опустив веки, замер.

Выглядел он, что называется, «краше в гроб кладут».

– Наверное, теперь и врачи будут не нужны, – тихо пробормотал он, расслабленно вытягиваясь на земле.

Глядя на парня, Макеев тяжело вздохнул.

Да, отчего-то ему становилось все тревожнее. Экстрасенсы, способные не только лечить, но и выпить из человека всю силу. Странная шестилапая скотина, бывшая у разбойников похоже место собаки или дрессированного льва. Непонятно чем и как уничтоженная бронеединица.

Вообще-то некие догадки насчет последнего у майора уже появились. Но с одной стороны, выглядели они уж совсем бредово – даже на фоне всего того, что он увидел и узнал в последние дни и часы. А с другой, если они и впрямь имели хоть какое-то отношение к действительности, то не лучше ли им будет быстренько смыться обратно в свой мир и плотно-плотно закрыть за собой двери?

Тут ему в голову пришла мысль совсем уж неуместная: а что, если эти самые двери закрыть уже не получится?..

...– Товарищ майор! – позади Макеева стоял связист с наушниками. – Есть связь с вертолетом!

Вначале комроты ничего не услышал – эфир был девственно чист. Но потом, сквозь шорох далеких грозовых разрядов пробился хриплый надтреснутый звон, который обычно издают скверно налаженные ларингофоны.

– Борт 1-01 на связи, как слышите меня, прием. «Кентавр», ответьте «Стрекозе», как слышите меня?

– Здесь Макеев! – радостно рявкнул в микрофон майор. – Слышу вас хорошо, «Стрекоза».

– Идем точно на двуглавую гору, вас пока не видим. По-

дожгите дымарь или дайте ракету.

– Лады. Только... «Стрекоза», а вы бы подальше от нас сесть не могли? А то тут у нас полсотни аборигенов, как бы они в штаны не наделали, глядя на вас.

В наушниках несколько секунд слышалось лишь гудение ларингофона и треск помех.

– Ну, уж нет, – наконец ответила «Стрекоза». – Воздушный цирк в этих горах я устраивать не буду. А местные пусть привыкают.

Аор, с насмешливым высокомерием наблюдал за суетой целителя. Эта порода магов так и не поймет, что по-настоящему мудрый кудесник никогда не торопится. Как видно, наставники не смогли вбить ему в голову эту простую истину.

Впрочем, не целитель волновал его по настоящему. Он наконец понял – что самое необычное было в войске, расправившемся с шайкой Горнака Весельчака. Не метатели извергающие целые ливни металлический стрелок, и не нетвари в железном панцире. На «зеленых» почти не было оберегов. Кое у кого имелись слабенькие амулеты на шеях, но и только.

С неприятным холодком он подумал, что вполне может усыпить любого из них в пять минут, или даже, при удаче, остановить сердце.

Странно... Впрочем, если при войске есть в достаточном числе могучие чародеи, а военачальники не слишком берегут воинов (тем более, кажется, тут в основном необученная

молодежь), то такое вполне возможно.

Тем временем, один из солдат вытащил из зеленого ящика какую-то палку или, скорее, жезл, и дернул торчавший из него короткий хвостик. Из жезла донеслось короткое рассерженное шипение, словно внутри сидело полдюжины змей, а затем вырвался столб дыма – хотя и не колдовского, но какого-то диковинного.

Пару минут ничего не происходило, а потом из-за гребня горы донесся непонятный стрекот – словно там подала голос большая саранча.

Шум нарастал с каждым ударом сердца. Вот уже в нем слышится грохот железных Шривижайских барабанов и свист воздуха, рассекаемого исполинскими крыльями.

Умножаемый эхом, звук этот невольно вызывал желание броситься на камни и распластаться на них, вжаться изо всех сил, чтобы оно не заметило жалкого человечешку.

Но солдаты не проявляли никакого беспокойства, и это заставило замершую было душу Аора немного размякнуть.

Кого бы они не вызвали неведомым колдовством, вряд ли это было опасным для жизни.

Арс Мак даже подумал, что это может быть какая-то нетварь, вроде тех железных черепах, на которых приехали «зелено-пятнистые».

И все равно, когда это показалось, он еле-еле удержался от крика.

В небе над невысокой седловиной появилось исполинское

насекомое мутно-зеленого окраса, крылья которого образовывали правильный круг на его спине.

Оно стремительно приблизилось, словно и в самом деле собиралось кого-то из них поймать и унести.

Ветер от его крыльев пригибал редкую траву и сдувал каменную крошку. Испуганно заржали кони, взревел верблюд.

Про себя маг решил, что насекомое и в самом деле приходится родней огненным черепахам. Во всяком случае, цвет его шкуры был такой же, как у них.

А когда кто-то из солдат повинуюсь распоряжению того из командиров, кто постарше, подошел к Аору, и вежливо но решительно подтолкнул его к севшей поодаль «стрекозе» он уже совсем не удивился и не испугался.

Это ведь простого человека могут продать в рабство или убить. А маги нужны всем. И если его судьба – служить этим странным пятнистым воинам, или их хозяевам – то что поделаешь?

* * *

Октябрьск

Четыре дня спустя

– Ну что, товарищи офицеры, успехи есть? – спросил Мезенцев, войдя в комнату, на двери которой, разохшейся и украшенной грубой резьбой, свежей масляной краской был выведен номер «14». – Как, товарищ подполковник, узнали,

что тут за язык и с чем его, так сказать, едят?

– Пока не совсем, товарищ генерал-лейтенант, – доложил начальник лингвистов подполковник Илья Табунов. – Вкратце – язык не похож ни на один из ныне существующих на Земле.

– Ну, хоть что-то общее улавливается?

– Улавливается... – Табунов хмыкнул. – Капитан Жалынов...

При этих словах непроизвольно встал и вытянулся перед генералом широкоплечий бронзоволицый крепыш.

– ...считает, что есть сходство с тюркскими языками. Майор Антонян находит нечто общее с праиндоевропейским: что-то близкое к скифской или сарматской группе. А вот лейтенант Дубарев уловил определенные элементы языков дравидийской группы. Наш же уважаемый доцент Григорьев... – кивок в сторону штатского в очках, – так вообще полагает, что язык этот происходит от схожих с суахили или фульбе.

– Это что такое, напомните?

– Это языки негров.

– М-да, интересно, нечего сказать, – только и нашелся Антон Карлович, с грехом пополам знавший со времен Великой Отечественной немецкий. – Ну, хотя бы узнали, как по-здешнему будет «хенде хох» или «кура-млеко-яйки»?

Присутствующие сдержано заулыбались.

В этой комнате с облупившейся штукатуркой за канце-

лярскими столами сидело больше десятка человек в самых разных званиях – от майора до капитан-лейтенанта, представлявшие все рода войск, кроме, разве что РВСН.

Это была специальная лингвистическая группа, сформированная буквально позавчера. Десяток военных переводчиков, лучших, каких только смогли найти, спешно собранных по всем военным округам и группам войск и переброшенных сюда, все еще не переваривших до конца известие о том, где им предстоит работать. Двух отозвали из Западной группы войск в Германии, одного буквально сняли с самолета, на котором он должен был вылететь в Аддис-Абебу. (Кстати, официально он в оной Аддис-Абебе и пребывает, а по месту службы ему идет положенное жалование с командировочными).

Все это время дня языковеды работали по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Разбившись на пары, они допрашивали пленных и, скажем так, гостей военной базы.

Два лингафонных комплекса, специально привезенных с «большой земли», буквально раскалились от работы.

Но не могли же они двое суток работать впустую?

– Так что, есть какие-то результаты? – повторил Мезенцев уже более настойчиво, подпустив в голос начальственного металла. – Что мне доложить Юрию Владимировичу?

Упоминание Андропова как всегда сработало. В войсках, как и везде по стране, стала усиливаться борьба «за трудовую дисциплину».

– Вот, товарищ генерал, – упитанный майор-пограничник протянул ему толстую пачку рукописных листков. – Это, так сказать, первый том русско- аргуэрлайлского словаря.

– Как? – переспросил Антон Карлович.

– Русско- аргуэрлайлского, – повторил майор.

– Это что, так здешняя страна называется?

– Не совсем, – пояснил пограничник. – Похоже, так по-здешнему именуется весь этот мир. Аргуэрлайл. Вроде как Земля или там Марс.

– Ладно, мне пора к вашим соседям, – важно кивнул Мезенцев. – Немедленно отдайте это в штаб, пусть распечатают и отдают размножать. Скажите, я распорядился. Пусть всякие приказы с циркулярами отложат, и начинают штамповать разговорники. Да не забудьте напомнить, чтобы поставили грифы «совершенно секретно» и «для служебного пользования». Ну, не мне вас учить. В одном ведомстве служим.

Когда за Мезенцевым и пограничником закрылась дверь, собравшиеся вернулись к прерванному разговору.

– Нет, как хотите, а язык тут довольно странный, – сообщил доцент, уже вполне освоившийся с положением единственного штатского в этой компании, хоть и интеллигентов, но военных. – Ведь, вроде бы он один для многих народов, но с такими различиями, что и не сразу поймешь.

– Ничего странного, – вступил в беседу один из лейтенантов-«немцев». – Как в Европе языки от латыни произошли...

– Да нет, тут не совсем так, вернее совсем не так. А уж письменность... Тут есть, оказывается, три вида графики: слоговое письмо, иероглифы (впрочем, их мало где применяют, только вроде как в священных текстах и в переписке между царями) и еще один алфавит. Даже не алфавит, а что-то типа древнего узелкового письма – знаки-идеограммы, которые используют в торговле там, в ремесле, когда нужно что-то подсчитать... Для житейских нужд. Есть еще какие-то руны, но это что-то вообще древнее, и, похоже, оно только для амулетов и используется.

– Что интересно, – поддержал науку флотский старлей, – тут в слоговом письме в разных странах одни и те же знаки означают другие слоги, хотя алфавит один на всех.

– Подожди, Борис, ты говоришь: слоговое письмо? – вмешался капитан-лейтенант.

– Ну да, каждый знак обозначает не букву, а слог – сразу две-три буквы.

– Да знаю я, все-таки в МГУ учился. Как у критян. Но это ж дико неудобно! Сколько их должно быть?

– В местном слоговом письме около полутора тысяч знаков, – сообщил доцент. – Я узнал от Арса, что обучение грамоте тут длится три-четыре года. Только одной грамоте!

– Гениально! – вдруг хлопнул в ладоши капитан Жалынов.

– Что? – недоуменно уставились на него товарищи.

– Да вот это самое! Вы вспомните, во всех таких-сяких древних царствах правители смерть как боялись, чтобы про-

стонародье не стало слишком умным. Казнить грамотеев – это ж было их любимое занятие. Да что говорить, еще в девятнадцатом веке в Америке, в южных штатах существовал закон, по которому человека, обучившего грамоте раба, могли элементарно повесить. А тут ничего такого и не потребовалось. Зачем запрещать книги и рубить кому-то головы, когда можно создать письменность, которой почти невозможно научиться?!

– Неудивительно, что при такой письменности здешняя цивилизация не выдумала даже пороха! – вздохнул Вольницкий.

Ему, как представителю чистой науки и к тому же имеющему второе образование – историка, начальство поручило составить примерную характеристику этого мира – по рассказам опрашиваемых.

– Рисунки паровоза, автомобиля, завода с дымящейся трубой и ружья оставили тех равнодушным. «Хвах» – что-то вроде «не знаю» или «не понимаю» – вот и все, что они изрекали по этому поводу. А вот изображение дракона вызывало у большинства некоторое беспокойство, однако на не без труда сформулированный вопрос, встречаются ли на Аргуэрлайле такие твари и где они живут, вызывал лишь неопределенный жест рукой куда-то в сторону востока.

Зато они много рассказывали про магию и волшебство и про магов. Более того – двое из них были, по их собственным словам, магами и даже показали доценту пару фокусов.

И Вольницкий до сих пор не знал – как об этом написать в отчете. Он сам был автором многих статей и даже книг по истории фольклора и сказкам народов мира. Но вот что делать, если речь идет о мире, где сказки и впрямь стали былью – не представлял совершенно.

* * *

Двое проигравших

Салон ТУ-154, рейса «Москва-Душанбе», был наполовину пуст.

Монотонно гудели могучие двигатели. Плафоны выключены. В салоне царил полумрак.

Пассажиры, дремали, кое кто читал. Стюардессы, покончив с делами, отправились на отдых, и кажется тайно дегустируют коньяк из пайков.

Пробежав взглядом по замершим в креслах фигурам теплохранителей, Мезенцев в очередной раз прокачал спутников – исключительно для того чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Компания тощих длинных девиц – манекенщицы из какого-то питерского дома моделей, спит в креслах.

Толпа бородачей в штормовках и с рюкзаками из которых торчат рукояти ледорубов – туристы-альпинисты.

Трое нарочито подтянутых и схожих как пусть не родные а двоюродные братья мужчин чуть за тридцать. Мезенцев зна-

ет – это коллеги, отправленные проинспектировать Пянджский погранотряд – по факту как ни крути – прифронтовой. Может, мечтают получить ордена не особо напрягаясь.

Солидный седоголовый горбоносый человек в очках – профессор истории Таджикского госуниверситета, возвращающийся из Хельсинки с конференции по Бактрийскому царству. В дальнем конце салона два солидных смуглых уса-ча в хороших костюмах играют в нарды – торговцы урюком и изюмом распродавшие свой товар в Москве.

И они – два руководителя архисекретнейшего и важнейшего проекта. В прежние времена им бы могли выделить целый самолет, но с тех пор как пару лет назад вот на таком спецрейсе полностью угробилось командование Тихоокеанского флота: шестнадцать адмиралов и генералов не считая мелкой сошки (Мезенцев участвовал в том расследовании), спецрейсы сильно ограничили, что было в общем-то правильно, на взгляд Мезенцева.

Самолет несся через сентябрьскую ночь.

Над большими городами сияли мутные лужи света. Черная земля казалась бездонной, безмерной. Самолет словно не лете вперед, раздвигая тьму крыльями с пульсирующими, бьющими алыми вспышками фонарями а висел в чернильной бездне.

В очередной раз осмотрев полупустой салон, Мезенцев принялся вспоминать совещание вчера вечером на Старой площади.

Совещались собственно Устинов и они – больше никто из высшего руководства не явился обсуждать непонятную проблему. Впрочем, похоже они проблем пока не видят. Министр обороны выслушал доклад Байлакова и с достаточно благожелательным видом произнес короткую речь.

Да – планы придется поменять, да, неожиданность – но главное сделано, коридор в параллельное пространство пробит – молодцы, товарищи, действуйте в таком же духе.

В очередной раз Мезенцев убедился что с вершин власти видно может быть и далеко, но плохо. Люди в Кремле еще не поняли, что оказались в положении героя старой сказки, которому вместо купленной коровы цыган подсунул кошку. Да – может быть вполне симпатичную и пушистую кису, наверное неплохо ловящую мышей, и звонко мурлычащую – но корову заменить никак не способную. Планы придется поменять – надо же так сказать! Проще говоря вся стратегия да и тактика, все заранее разработанные мероприятия, а главное – цели и перспективы все пошло прахом!

А какой был план! Эх, какой был план! План появившийся у него – у него, Мезенцева А Кэ, а не у этого умника и не у его титулованного отца! План изящный, простой и гениальный – да, да – гениальный. Одним ударом выигрывается и холодная война и... да почти все!

Умники из политотдела назвали бы его «планом захвата мирового господства» – и были бы правы.

Все просто и гениально. Пройдя через этот самый дромос,

тридцать – сорок тысяч бойцов особой группы войск проходят сквозь туркменские пески и казахские мелкосопочники, переправляются через Урал и Волгу, подтягивают горючее, транспорт и припасы, и в неделю-другую доходят до Санкт-Петербурга. Здешняя армия просто не сможет ничего сделать – да и воевать не придется: имея воздушную разведку и превосходство в скорости, части просто уклоняться от боя с местными богоносными воинами. Пока с нарочными и по редким телеграфным линиям дойдут панические рапорта и сообщения – под ударом окажется столица империи. И – никакго штурма! Просто особо натасканный спецназ нейтрализует царя и всю верхушку, после чего вся остальная Российская империя в пару месяцев упадет им в руки.

Свобода, земля крестьянам полностью и без выкупа, спецура и снайпера, выбивающие тех генералов с губернаторами и дворян с попами, что вздумают организовать сопротивление. А затем – через какой-то год – поход на запад. Поход быстрый и победоносный, просто обреченный на успех: миллион русских мужиков с АК-47 и ППШ никаким местным Шлиффенам и Мольтке не остановить! Нищие простолюдины – а богатых тут не водится, встречают их как освободителей – от Будапешта до Лондона. Ротшильды и Гогенцоллерны с лордами и сэрами отправляются на постройку железной дороги из России в Туркестан или мыть золото на Колыме.

Далее – весь мир.

Затем – еще год – другой, и по быстро построенной маги-

страли через порталы повезут металл и хлопок, сахар и медь, серебро, уран, никель, а также хлеб, и масло – с которыми в Союзе имеются проблемы. Повезут со всего мира – из Китая, Австралии и Бразилии. И всего этого будет много. Пусть потом – когда все выяснится – пресловутый западный мир конечно изойдет слюной и соплями. Ну ничего – пусть верещат о «красном империализме» и «традиционном русском варварстве» – но что они смогут сделать с со страной, в распоряжении которой будут ресурсы всей Земли – причем еще не истощенные? И сотни миллионов людей которые будут рады бесплатной крыше над головой и миске доброго супа, в головах которых не будет этого идиотского мусора про права и свободы?

Черт! Ну почему все так вышло?? Зачем он вообще ввязался в это дело, если на то пошло? Это ведь Байлаков – младший – дурилка картонная с докторской степенью, который без своего папахена может в психушку бы и не угодил но уж точно на свои опыты ни копейки бы не получил, думает что случайно вышел на генерала, который оказался настолько умен что поверил в его идеи.

Нет – это Мезенцев, от байлаковского завлаба – «уфолога», мать его, со стажем и стукача с еще большим стажем, узнал – чем тот занимается параллельно разработке еще более смертоносных бомб (как будто уже имеющихся не хватит чтобы трижды уничтожить «вероятного противника»). Старый пень не иначе думал, что шефа подвинут а на его ме-

сто сунут себя любимого! Как же – еще и решил что госбезопасность настолько глупа чтобы связываться с сыном члена Политбюро! Нет – Мезенцев тогда нутром почуял, прочтя биографию Сергея Байлакова – этот кто угодно, но не псих и не идиот – этот знает что делает. И задумался – как можно использовать изобретение если вдруг да этот лысоватый доктор физматнаук и впрямь – новый Эйнштейн. И придумал. И сам разработал операцию собственной подводки к Байлакову. А потом не без робости отправился лично к Шефу, и изложил свой план, подкрепленный стянутыми у подопечного выводами трех экспертов о возможности этой самой – «склейки вероятностных направлений пространственно-временного континуума». И удайся все как они задумали – быть пожалуй Мезенцеву в Политбюро со временем а то и – страх сказать – выше. Тем более, нынешним старичкам-то всяко пора на покой – не на этом свете, так на том.

А теперь вот выяснилось что пресловутый «дромос» если и вывел, то куда-то не туда. В черт знает какой мир, который похоже давно и прочно застрявший в маховом средневековье.

И что теперь? Теперь он, Мезенцев А.К. – еще не старый и настроенный на карьеру генерал-лейтенант КГБ – тоже застрял – в глубокой заднице. Что ему делать теперь? Он с неприязнью поглядел в сторону дремлющего физика. Этому-то сынку что – он вернется в свой институт или начнет буравить еще один тоннель в другой мир – ума у руководства

хватит попробовать еще раз: хотя теперь непонятно – что и с этим то делать? Жрецам науки проще.

А вот его чего доброго так до конца службы и оставят торчать в этом мире, чтобы он пытался что-то путное с ним сделать. Будет он гонять на БТРах за разбойниками, охранять геологов от охотников за рабами, и при этом выпрашивать каждую железяку и каждую тонну соляра. Или просто – сторожить чертову дыру, тем более что как ее заткнуть – умники с дипломами так и не подумали.

Мезенцев пожалуй бы удивился – узнав что Сергей Васильевич Байлаков чувствует себя куда хуже чем даже он.

Ибо сейчас он переживал без преувеличения крах всего того, чем жил много лет. Потому что его теория оказалась сугубо ложной. Все формулы все выводы и экспериментальные данные говорили что дромос должен был вывести именно в ветвь соответствующую времени столетней давности.

Этот же мир не просто был совсем другим – он не имел с известным ничего общего. Он даже приблизительно не мог представить – когда он ответвился от основной последовательности – если вообще когда – то тот ветвился.

Теоретически это можно было рассчитать – хотя и приблизительно. Но смысла в этом Сергей Васильевич не видел.

Потому что этот мир был просто невозможен, как невозможен был дромос связывающий Землю с этим... Аргуэрлайлом.

Итак, еще раз продумаем все от начала до конца.

Формулы на вывод которых он с соратниками потратили почти пятнадцать лет, говорят что имеющимися средствами образовать «зону склейки» можно лишь между ответвлением отстоящим на сто десять плюс минус десять лет ниже основного потока.

Если бы эти формулы оказались неверны, то никакого дромоса не было бы потому что не могло бы быть. Но дромос тем не менее пробит – но совсем в другой мир. Следовательно – вся его теория глубоко неверна. Но если бы она была неверна – то никакой «склейки» не произошло бы. Стало быть она верна? Но тогда дромос бы вывел именно туда куда предполагалось, и никуда иначе. Значит теория неверна, и пятнадцать лет он следовал ложным путем, так? Но ведь дромос все – таки есть? Но ведь дромоса быть не может, и при полученных результатах проход из мира в мир просто не мог возникнуть. Но он возник? Значит теория верна? Но при верной теории он бы вывел совсем в другой мир? Почему???

Байлакову казалось, что еще немного, и он сойдет с ума.

Он вытащил из «дипломата» одну из своих тетрадей – с которых когда-то начался путь, приведший его к этому дикому успеху-провалу, и начал листать...

Из тетрадей Сергея Байлакова:

«Испанец Антонио де ля Рош сообщил, что в 1675 году на 45 южной широты ему встретился «очень большой и приятный остров с гаванью на восточной стороне». Он назвал его остров Гранд.

В 1670 году капитан Линдерманн обнаружил в Южной Атлантике на широте Северной Бразилии остров с высоким пиком, «похожим на колдовской колпак», и назвал его Саксемберг.

В следующий раз его видели в 1804 году с американского брига «Фанни» остров наблюдали в течение четырех часов.

Следующим его увидел в 1816 году британец Хэд.

1800 год – капитан китобоя Свейн в районе Огненной Земли замечает высокий остров, покрытый снегом, со множеством морских птиц и тюленей. Он точно указал его местонахождение и координаты, о чем есть запись в судовом журнале.

Вторично остров наблюдался в 1841 году, капитан английского китобоя Дауэрти. По его словам, длина – пять-шесть миль, с низинами и скалами.

В следующий раз остров был обнаружен судном «Луиза» в 1860 и в 1886 годах китобоем «Сингалайз». Остров был зафиксирован на официальных картах, включая карты британского Адмиралтейства».

Как иронически отметил Сергей в комментарии на полях: «Данные о его наличии весьма убедительны, но, тем не менее, остров отсутствует».

«Англия. Некий Питер Уильямс во время грозы попал в непонятное место. После близкого удара молнии он на некоторое время отключился, а, придя в себя, понял, что заблудился. Пройдя по узкой длинной дороге в каком-то незна-

комом саду, он, наконец остановил автомобиль и попросил помощи. Водитель доставил раненного в больницу, где Уильямс отлежался два дня и лишь затем смог встать с кровати, чтобы прогуляться на воздухе. Его собственные штаны оказались порванными и обгорелыми, и сосед по палате одолжил ему собственные, новые коричневые вельветовые брюки. Питер вышел погулять в больничный двор и вдруг оказался в собственном саду – там же, где его застала недавняя гроза. Как добропорядочный британский джентльмен Уильямс решил вернуть брюки и поблагодарить медперсонал. Знакомую больницу он отыскал без труда, но оказалось, что хотя в больнице те же самые врачи и медсестры, которые его лечили, но выглядели эти люди намного старше. Записей в регистрационной книге о приеме Уильямса не оказалось, сердобольного соседа по палате – тоже. Ни о каких пропавших брюках никто также не вспомнил, когда же Питер показал их, в ответ услышал, что подобная одежда давно вышла из моды и не выпускается серийно. Уильямс не успокоился и побывал на лондонской фабрике, где, как он узнал из этикетки, выпустили брюки. Где и выяснил, что совершенно новые брюки не выпускались уже более 20 лет!»

А это уже не газета – это из архивов, допуск в которые он получил не без труда, несмотря даже на помощь отца.

«В июле 1941 года под Оршей во время разведки боем рядового Терехова оглушило взрывом мины. Пришел в себя он

уже в немецком блиндаже. Увидев вражеского пулеметчика, солдат сразу на него набросился. Озлобленные поступком пленного, немцы решили его расстрелять. Когда рядового Терехова повели к ближайшему лесу, неожиданно небо озарилось ослепительным светом, и раздался пронзительный свист... Открыв глаза, советский боец обнаружил, что лежит на зеленой траве среди деревьев, а рядом без сознания – его конвоиры. Он быстро собрал их автоматы, растолкал и, приказав поднять руки вверх, повел немцев в том направлении, где предположительно находилась его часть. Вскоре, к изумлению Терехова, лес кончился, а на дороге он увидел приближающуюся телегу, в которой сидели старик и девочка... Девочка сообщила, что он вместе с пленными немцами находится на Дальнем Востоке, а на дворе – лето 1948 года...

НКВД, подозревая какую-то провокацию, довольно долго мурыжило несчастного солдата, тщательно изучив его показания несколько месяцев, опросив его бывших сослуживцев, но установили только, что он пропал без вести под Оршей. Во Владивосток были вызваны несколько бойцов из части, в которой служил Терехов. Они опознали своего сослуживца и с удивлением отметили, что за семь прошедших лет он не изменился и выглядел будто «заспиртованный». Неутомимые чекисты в одном из лагерей для военнопленных на Волге разыскали командира роты, в которой в 1942 году служили пленные Тереховым солдаты. Он подтвердил их

показания».

«27 июля 1724 года рядом с городом Гаммельн (Германия) изловили мальчика приблизительно 12-летнего возраста. Позже мальчик получил имя Дикий Петер. Он не говорил, хлеб не ел, питался только травой и овощами, сосал зеленые стебли. Слухи о «диком ребенке» достигли английского короля Георга, бывшего также королем Ганновера, и в феврале 1726 года за мальчиком послали гонца. Достаточно быстро он сделался придворным фаворитом, но так и не научился говорить членораздельно...»

Впоследствии немецкие натуралисты и ученые изучили все документы, относящиеся к этому случаю, и отметили прежние версии о том, что Петера воспитывали в зверином обществе. Они пришли к выводу, что незадолго до поимки Дикий Петер жил среди людей (поскольку шея его была повязана лоскутом, а нижняя часть тела бледнее верхней, и он некоторое время носил бриджи)... Но откуда он попал в Германию XVIII века?

«Испания. В августе 1887 года из пещеры, недалеко от Баньи вышли двое детей с зеленоватой кожей, восточного типа глазами, в одежде, сшитой из непонятного материала. Мальчик вскоре умер, а девочка выжила, выучила испанский язык и позже рассказала, что они прибыли из «страны, где не бывает солнца», но однажды невидимый ураган подхватил их и перенес в эту пещеру».

«В мае 1875 года группа студентов городка Висксберг ре-

шила устроить пикник. Но их уединение вскоре нарушили полные ужаса крики, идущие со стороны реки. Кричала, по-видимому, женищина. Но в том-то и дело, что никто над водой не появлялся! Один из студентов утверждал, что кричат по-французски. Позже крики стихли. Полиция тщательно прочесала участок реки, но ничего не обнаружила. Однако через две недели вопли ужаса снова разнеслись над рекой. На этот раз люди вытащили весьма изысканно одетую темнокожую женищину. Оказавшийся здесь виксбергский лоцман заявил, что это креолка с парохода «Айрон Хилл». Этот пароходик отправился из Вискберга в Новый Орлеан в 1874 году. С тех пор как он скрылся за излучиной реки, его никто не видел. К причалу корабль так и не пришел. Берега и речное дно подробно исследовали, но не обнаружили ни одного тела, ни одного обломка. А в списке пассажиров значилось несколько креолок».

«1898 год, Тульская губерния. Земской учитель, мучимый зубной болью, решил обратиться к знахарю из соседнего села. Знахарь, несмотря на сомнительную репутацию чернокнижника, с сочувствием отнесся к беде скромного служаителя народного образования и за небольшую плату вручил визитеру пару мешочков с сушеной травой и банку жидкого снадобья. Учитель довольный отправился домой и уже на окраине своего села повстречался с соседом и рассказал — у кого был. Сосед-мужик перекрестился: «Это вы на кладбище к нему ходили, что ли, поминали?» Учитель остолбе-

нел: «Как на кладбище? Я у него дома был». Мужик, уже со страхом, молвил: «Да ведь он помер неделю назад! Аккурат я тогда дрова вез, его на погост несли...» Учитель, не поверив мужику, повернул обратно, но подойдя к уже знакомому дому, где он был всего пару часов назад, застал его заколоченным и явно нежилым с виду. О том, что знахаря уже нет в живых, ему рассказали и другие соседи, и он уже был готов поверить в то, что ему все привиделось, но вот как быть с подарками знахаря, мешочками и бутылью?»

Из письма Абу-али-ибн Сины, знаменитого Авиценны, к другой восточной знаменитости – Бируни:

«Возможно, что существует множество других обитаемых миров над этим миром... Возможное же в применении к вещам вечным становится обязательным. Поэтому существование множества миров помимо нашего становится обязательным».

Но восточные мудрецы и не на это были горазды. Сергей удивился до глубины души, узнав что средневековые схоласты – те самые, которых в институтском курсе философии осмеивали как дурачков, споривших о том, сколько чертей поместится на кончике иглы, спорили также и о множественности миров, причем не об обитаемых планетах в космосе, а именно о других вселенных.

«1934 год. Англичанин Виктор Гуддард на своем истребителе попал над Шотландией в жестокий шторм и потерял ориентировку. Внезапно, впереди в облаках увидел раз-

рыв. Гуддард рассмотрел внизу на земле только ярко освещенный, словно солнцем, аэродром, странного вида ангары и окрашенные в желтый цвет самолеты. Ничего подобного в Шотландии, как он достоверно знал, не было. Спустя четыре года Гуддард попал на этот аэродром, и увидел окрашенные в желтое самолеты – как раз тогда их начали так красить».

Случай этот Гуддард привел в своих мемуарах, уже будучи маршалом Британских Королевских ВВС...

Отложив тетрадь, физик посмотрел в иллюминатор, где было только черное небо, усеянное звездами.

Потом как-то по-особенному быстро небо стало светлеть. Байлаков взглянул на часы – до посадки оставалось минут двадцать.

Скоро под крыло ляжет город в чаше хребтов, насквозь просвеченный южным солнцем, город просторных площадей, фонтанов и рощ, блестящих днем и мерцающих ночью бетонных арыков вдоль улиц, город, омываемый в летнюю жару горными прохладными бризами.

Душанбе – молодой город, построенный на месте кишлака в тридцатые годы. Но кажется, что он намного древнее Москвы откуда он летит.

Москвы, предки жителей которой когда-то в невообразимой древности пришли именно из этих мест.

Там, на аэродроме их уже ждет машина что доставит их к объекту перехода. Там их ждет другой мир... Другой ми-

р(как быстро он привык) Ждет продуваемый чужими ветрами. палаточно-глинобитный военный лагерь в отрогах гор, так непохожих на эти. Ждет полная неизвестность. И что бы не случилось там, – он и только он будет отвечать за него перед законами земными и небесными.

* * *

Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Звездопада, четырнадцатый день

Великая Степь, подножье священной горы Кесрет-Нэр

Среди степей, днях в трех пути от отрогов Сейхетана, возвышалась почти на три тысячи локтей одинокая гора, получившая еще в незапамятные времена имя Кесрет-Нур – Страж Пустыни.

Это было священное для каждого степняка место. Предания гласили, что именно гора Кесрет-Нур была тем первым камнем, который был положен Высочайшими в основание Аргуэрлайл.

Каждый год в положенное время у ее подножия собирался Великий курултай – собрание вождей всех племен и кланов Степи. Решали здесь дела важные, которые в одиночку не развяжешь. Как правило, касалось это отношений с соседями. Пойти ли войной на Сарнагарасахал, стоит ли заключать торговое соглашение с Крехсором, выдавать ли дочку вождя племени Волка за младшего сына правителя Гахны... Да ма-

ло ль дел за год накопилось. Обо всем надо поговорить.

Нынешний курултай стал неожиданностью для вождей племен и кланов, потому как был созван Великим Шаманом Айг-Серинго, хозяином капища у Красной Гряды, в спешном порядке и в неположенный час. До традиционного дня сборов оставалось еще три луны. Зачем понадобилось тревожить почтенных людей да еще и приглашать на совет племенных шаманов? Для этого у Айг-Серинго должны быть веские основания. Иначе накличет на свою голову гнев богов и людей.

Едва хозяин Красной Гряды начал говорить, как достопочтенные поняли, что собираться таки надо было. Уж больно важными были новости, принесенные разведчиками из покинутого города Тхан-Такх. Появление неизвестно откуда взявшихся чужеродцев грозило потрясением основ мироздания. На Аргуэрлайле появилась новая сила, и следовало определиться, как себя вести в ее отношении.

– Они отвергают наших богов – Священную Луну и Вечное Небо – великого отца ее! – верещал Хаар Айсах, шаман племени Волка. – Поклоняются Огненной Звезде, знаку Шеонакаллу! Союз с ними невозможен для детей Степи!

Некоторые из присутствующих были с ним согласны. Конечно, никак нельзя дружить со слугами Проклятого. Так повелось с начала времен, что Луна и Звезда враждуют.

– Я не знаю, кто из Высочайших или Могущественных привел их сюда, – заметив колебания среди степняков, мол-

вил Айг-Серинго, – но, наверное, он был к нам благорасположен. Огненная Звезда чужаков – это не отметина Шеонкаллу, а что-то другое. Ибо рядом с ней изображены скрещенные знаки Священной Луны и Вечного Неба. Чужеродцы поклоняются этим символам с равным рвением. Так что сами Высокие указывают нам возможных союзников в борьбе с врагами.

– А почему ты решил, что чужаки будут сражаться за нас? – недовольно бросил сын вождя Хала.

Он носил пояс из стальных позолоченных пластин, что означало предводителя дружины лучших воинов племени.

– И вообще, вдруг они окажутся еще хуже, чем поклонники Неназываемого. Те берут с нас только дань, эти же могут вообще превратить нас в своих холопов.

– Конечно, всего лишь дань! – не сдержавшись, выкрикнул угрюмый старец в шапке, украшенной перьями орла – вождь клана Птиц. – Это ведь не твои сыновья умерли на алтаре Проклятого!

– Успокойтесь, успокойтесь, почтенные! – Айг-Серинго испугался, что спор пойдет по новому кругу и курултай закончится ничем. – Кстати, как показали наблюдения, у чужаков, вроде, нет холопов. Они все равны, как братья. Есть начальники, как и у всех, но власть их не зиждется на страхе и насилии.

– Если так, может быть стать их подданными не так уж плохо? – вдруг изрек Хеол Тун, на которого многие смотрели

с осуждением.

Впрочем, чего ожидать от вождя, чье племя жило больше торговлей, чем скотоводством и набегам, и даже пробовало вопреки обычаям сеять злаки.

– Те, кто слышит меня в Небе, подсказали, что вреда людям степи ждать от пришедших извне не приходится, – успокоил собравшихся Тен-Тахри – самый старый и самый уважаемый среди шаманов Степи. – Во всяком случае – обычного вреда.

Слова старца произвели на вождей и старейшин большое впечатление. Хозяин Красной Гряды заметил это и похвалил себя за то, что не был скуп. Табун лошадей, подаренный им вчера Тен-Тахри, не пропал зря.

– А они не сговорятся с Сарнаргасхалом? – спросил Мэо, самый молодой из вожаков, которому только стукнуло двадцать пять лет.

– Разве можно сговориться с ними? – усмехнулся шаман. – И потом, тем, кто мечет в небеса огненные стрелы, ни к чему союз с отвратительными пожирателями человечины.

Вдруг Великий Шаман спохватился.

– Кстати, чего это мы с вами разговариваем на пустой желудок?! Не по закону!

По его знаку слуги стали обносить гостей тарелками с мясом и чашами с пенящимся хмельным.

К утру курултай вынес решение начать с чужеродцами переговоры о вечном союзе.

Как обычно происходит – беда наваливается сразу и внезапно, подкравшись незаметно и с той стороны, откуда ее не ожидали.

Тихомиров узнал обо всем последним – пока доклад проходил по всем ступенькам, и ему оставалось лишь материть подчиненных, а заодно и себя – поскольку не предписал обо всех ЧП докладывать незамедлительно лично ему – хотя после стычки с разбойниками уж мог бы додуматься.

А случилось вот что.

Два отделения разведчиков во главе с прапорщиком Вороватым на грузовике с прицепом выдвинулись в охранение в район Дальних Утесов (так за неимением местного названия обозначили это место).

Установили палатку, выгрузили скarb, но к счастью машину пока не отправили – забарахлил аккумулятор.

Шестеро солдат из отделения сержанта Василия Рюмина занялись разведкой местности, в то время как прочие, во главе с прапорщиком, остались на месте возле «Урала», отрывая укрытия для стрелков.

Возвращаясь и, кстати, не обнаружив ничего подозрительного, на подходе к машине Рюмин и его подчиненные увидели следующую картину.

К их мирно отдыхающим товарищам, крадучись, но вро-

де как и не особо прячась, двигается цепочка людей с явно нехорошими намерениями, о чем свидетельствовали как обнаженные клинки в руках, так и свернутые сети через плечо. Среди них было двое или трое одетых не так как остальные – во все черное. Почему-то Рюмин сразу обратил на них внимание, хотя толком и не понял, почему именно.

Солдаты принялись кричать, предупреждая друзей об опасности, но те словно не слышали, а, может, крики отнесло ветром... Зато их заметили враги и, не теряя времени, буквально кинулись на ничего не подозревающих бойцов.

Тогда Рюмин, отняв у одного из своих пулемет, открыл стрельбу. За ним другие... Только тут безмятежно отдыхающие у «Урала» солдаты всполошились и, словно впервые увидев врагов, подошедших уже вплотную, схватились за оружие.

Но было уже поздно.

Нападавшие швырнули в солдат какие-то коробочки, в момент окутавшие место схватки рыжей и густой (и как выяснилось – весьма едкой пылью), и прекрасно тренированные разведчики оказались беспомощными, несмотря на свои автоматы и боевое самбо.

Рюмину пришлось прекратить стрельбу очередями, чтобы не задеть своих.

Перешли на одиночный огонь. Но чужаки, которых не остановила пальба из автоматов, тем более не испугались одиноко свистящих пуль.

Затем кто-то из оставшихся у машины начал палить из автомата, и атакующие обратились в бегство, таща с собой кого-то из солдат (как потом оказалось, прапорщика).

При этом один из людей в черном на бегу что-то делал руками, отчего у стрелявших, по их словам, как будто двоилось в глазах и прицел никак не хотел совмещаться с целью. Лишь после того, как он упал, срезанный выпущенной по широкой дуге очередью, ребята Рюмина перешелкали оставшихся в минуту.

Но, увы, несколько человек и вместе с ними прапорщик Вороватый успели бесследно исчезнуть.

Спустя какое-то время издалека до них донеслось несколько выстрелов, но гулявшее в здешнем скальном хаосе эхо не позволило определить, где это случилось.

Некоторое время принявший командование Рюмин лихорадочно обдумывал ситуацию. Организовать преследование противника возможности не было. Без карт в этой чертовой мешанине камней они скорее бы заблудились, не говоря уже о том, что можно было запросто нарваться на засаду.

Он захотел связаться с Октябрьском, но оказалось, что шальная пуля расколошматила передатчик.

Ничего не оставалось, как собрать убитых, своих и чужих, да раненых (только своих) и отправиться обратно.

Дежуривший в этот день по гарнизону Санин сообщил, что на свой страх и риск послал на прочесывание взвод десантников. Но единственное, что они отыскиали, это обнару-

женный в полутора километрах от места этого странного боя сорвавшийся в расщелину труп человека в черном облегающем одеянии, несколько пистолетных гильз и обильные лужи крови на камнях на скальной площадке метрах в десяти выше.

Видимо, тут прапорщик Вороватый принял свой последний бой.

Опрос (или скорее уж допрос) тех, кто был вместе с прапорщиком, дал интересную (и очень неприятную) информацию.

По словам солдат, они спокойно сидели у грузовика и ничего не замечали буквально до последних секунд – до того самого момента, как группа Рюмина открыла по нападающим огонь. Хотя некоторые говорили, что их слегка клонило в сон («Клонило?! – рычал прибежавший на запах жаренного Мезенцев. – Наверняка дрыхли, как бобики, без задних ног!»), но большая часть вместе с прапорщиком была как будто в здравом уме и твердой памяти. Нападавшие появились словно из воздуха, на том месте, где их секунду назад еще не было.

Затем площадку с грузовиком окутало рыжее облако из лопнувших коробочек, и они уже ничего не могли сделать – только отчаянно терли руками терзаемые дикой резью слезящиеся глаза да задыхались, тщетно пытаясь протолкнуть воздух в разрываемые спазмами легкие. А в это время на них накидывали сети, и сбивали наземь.

Лишь рядовому Лямину, уже опутанному сеткой наподобие римского гладиатора, удалось каким-то чудом снять автомат с предохранителя и вслепую дать очередь, испугавшую неведомых врагов. Они бросили свежепойманных пленников (кроме Вороватого) и бежали прочь.

Еще солдаты, бывшие с Рюминым, отмечали какую-то необыкновенную быстроту и силу нападавших. Двигались те в момент атаки с дикой скоростью, а спеленатого сетью прапора тащил на спине один человек, и непохоже было, чтобы нагрузка в восемьдесят семь кегэ живого веса ему сильно мешала.

Собранный на месте боя медно-красный порошок был отдан на анализ начхиму. Повозившись пару часов, он сказал, пожав плечами, что это смесь пылицы каких-то растений еще с чем-то.

Был проведен опыт с сусликом, как раз кстати пойманным учеными из биологической группы в окрестностях гарнизона. Вдохнув щепотку порошка, зверек, заверещав, начал чихать и кататься по клетке, но затем успокоился, и уже через полчаса, как ни в чем не бывало, принялся грызть сухую перловку, насыпанную в его кормушку.

Видимо, это был местный аналог химического оружия – хорошо хоть не иприт, а «черемуха».

Из чего можно было сделать вывод – таинственные нападавшие хотели взять как можно больше народу живьем. Для чего – ясно: для допроса и выяснения, кто именно к ним по-

жаловал.

И судя по тому, как подготовились к операции похитители, и сколько их было, противостоит землянам противник достаточно мощный – двадцать пять-тридцать воинов, по меркам средневековья (если, конечно, они правильно оценивают мир, куда попали) – это немалая сила. Тем более эти странные типы в черном. Если это маги (черт, надо же такому быть – маги!) то...

Хреновое дело, – думал сидевший у себя в кабинете Мезенцев. Ситуация оказалась еще хуже, чем он думал по возвращению из Москвы.

Похоже, маги тут умеют не только жечь бронетехнику, но и достаточно ловко отводить глаза – причем в самом прямом смысле.

И тогда как прикажете с ними бороться?

Стоп, приказал себе генерал Мезенцев, не поддаваться панике. Безвыходных положений не бывает.

Колдуны и магия? Ну что ж, магия так магия. В конце концов, не страшней же атомной войны?

Ученые в изумлении, а политработники, кажется, в натуральном шоке.

Но он и его коллеги ни удивляться, ни шокироваться права не имеют.

Они обязаны действовать, обязаны найти способ решения данной проблемы. Долг требует и служба обязывает.

Для начала – нужно тщательно обо всем расспросить это-

го Арс Мака и через него, если будет возможно, установить плотный контакт с кем-то из местных магов.

Он вроде бы что-то говорил насчет того, что услуги чародеев можно купить.

Вот этим и займемся для начала. Потом... Потом будет видно.

Ведь, как бы то ни было, маги – тоже люди.

А значит, среди них могут быть изгнанники, искатели приключений, обиженные жизнью, есть более слабые, которым не нравится власть более сильных, есть невезучие и неудачники и просто завистливые и жадные.

Есть, видимо, и те, кому в принципе не нравится сложившийся порядок вещей, какой бы он ни был. Ведь такие люди есть всегда и везде.

Даже, наверное, в ЦК... И как знать – возможно из факта наличия тут настоящей магии можно будет извлечь немалую пользу.

* * *

Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Звездопада, шестнадцатый день

Город-государство Крехсор. Протекторат Сарнагара-сахала

В двухстах пятидесяти километрах к западу от Тхан-Такх

... – Я слушаю тебя, владыка, – повторил начальник стражи.

– У... ве... ве..., – Веерен заикался, чего с ним прежде не случилось.

Наконец, он справился с собой.

– Уведи его, – князь-маг махнул рукой в сторону пленника.

Схватив спутанного прапорщика Вороватого за ошейник, Грас Касар поволок его вон из покоев. Тот не сопротивлялся.

Оставшись один, Веерен тихонько застонал. Жутко болела голова – снадобья плюс заклятья, позволяющие быстро выучить чужой язык, как и все в этом мире имеют свою темную цену. Таковы безжалостные законы жизни – за все надо платить.

Можно было, конечно, взвалить изучение языка этого чужеродца на кого-то другого, но он не решился – слишком важным и тайным было дело.

Из рассказа этого воина из другого мира, Веерен Тогу уяснил не больше половины, но понял главное. И, как это ни покажется странным и удивительным, князь поверил тому, что услышал от пленника.

Он знать не знал ни про какие физические теории или пресловутую «научную картину мира», никто не на его памяти не высмеивал гипотезу о множестве пространственно-временных континуумов.

Зато в его мире почти у каждого народа и племени бы-

ло множество легенд и сказок о потустороннем мире и даже мирах, куда уходят после смерти и где обитают духи и боги. Не раз и не два говорилось в них о неведомых царствах, куда странствовали великие герои в поисках возлюбленных и исполняя волю своих владык, о землях, куда путь открыт не всем, и куда нельзя попасть, двигаясь по земле и воде.

Властитель слышал их еще в детстве, и теперь, когда вдруг получил неопровержимое доказательство, что они не лгут, не был слишком растерян или потрясен.

Тем более, сейчас перед ним сидел не демон или оживший покойник, а человек из плоти и крови – солдат (вернее, полусотник) пришедшего из-за пределов Аргуэрлайла войска. Надо отдать должное – хороший солдат. В меру туповатый, в меру ограниченный, в меру храбрый, привыкший не обдумывать приказы, а думать, как их лучше исполнить. И что, пожалуй, самое неприятное для тех, кому придется биться с ему подобными – уверенный в правоте дела, за которое воюет.

Зачем сюда пришло чужеземное войско – в общем ясно. Хотя пленник наговорил немало непонятных вещей, которые, похоже, сам не слишком понимал, суть была проста. Повелители прислали их сюда, чтобы завоевать здешний мир – а зачем же еще?

Чужеродцы обладают непонятным оружием, смахивающим на огненный метатель, но стреляющим много дальше. И убедительное доказательство превосходных качеств этого

оружия тоже имелось — именно из него положили семерых воинов, из них — одного ньинь-ча и одного боевого мага первой ступени. (Второго, похоже, убили товарищи пленника).

Кроме того, в войске пришлецов имелись также самодвижущиеся боевые повозки и даже что-то летающее и насколько смог понять князь — очень смертоносное.

Теперь осталось понять, что со всем этим делать?

И хотя думать было тяжело, но маг третьей ступени и правитель вольного города Крехсора Веерен Тогу уже знал, что предпримет. Он маленький человек, и ему нужно быть особенно осторожным и внимательным.

Он, безусловно, отправит сообщение в Сарнагарасахал, как велит его долг вассала.

Но одновременно он оповестит и еще кое-кого, кого это тоже должно весьма заинтересовать. А пока суд да дело, Веерен постарается найти способ повернуть все так, чтобы остаться при своих, кто бы не победил.

* * *

Октябрьск, специальный учебный центр

Таон еще раз обошел кругом Т-72 пару раз приложил ладони к броне, зачем-то пнул гусеницу.

Итак, слушай меня, погонщик, — бросил он Аксимову.

Вашего железного зверя в лоб не взять даже десятиступенчатому магу. Ну а такой огневик как ты просто попалит

краску. Что в лоб, что в бок, что по голове – легко подпрыгнув, он залез на броню и погладил башню. Сильно попортить шкуру можно, но насквозь не пробить. Вот в гузно, – цокая медными подковками он перебежал на корму боевой машины, – можно попробовать. Особенно если вот через эту решетку и прямо в дизель, – слово он выговорил без запинки, и майору на миг показалось, что представитель «привлеченного персонала» просто прикидывается ничего не смыслящим в технике дикарем. Можно бить в хобот – пожалуй если как следует навести то молнией можно даже отшибить. А без хобота как я понимаю, воевать он не может.

– Это метатель, – бросил Аксимов.

– Знаю, – продолжил Хон спрыгивая на землю, – про то и речь И вообще – не отвлекайся.

Можно было бы попробовать разбить штуки на которых эти нетвари катаются, – продолжил он как бы размышляя вслух, и пнул гусеницу сапогом, но тоже придется попотеть.

Вот в брюхо, – на миг в его голосе промелькнуло мечтательное выражение, – было бы в самый раз. Да только по кривой ни «огненный кулак» ни молнии еще метать не научились – так что магу нужно будет прямиком под него залезть: ну и зажариться само собой на собственном огне... И в собственном соку, – добавил чародей, рассмеявшись.

Короче, – туда где дизель и на хобот – ну и на гусеницы, пусть шаманы поставят защитные руны и подвешат обереги. Понятное дело – тех оберегов на один раз хватит, но веч-

но жить никому не угрожает – даже погонщикам железных зверей... Он улыбнулся, но его глаза почему то оставались мрачными.

Теперь дальше – если толковый огневик сумеет подойти достаточно близко и на достаточно долгое время – а еще лучше залезть на него, то он сможет погасить пламя в его огненных кишках. Но вот что самое опасное – это если ударить по нему смерть-чарами. Понятное дело самому зверю не повредишь сидящих в нем броня не защитит. Слава Незримым – некромантия такой силы доступна очень немногим.

Кстати, хочу спросить – чем вы таких вот чудищ забиваете у себя дома?? – осведомился Тао.

Расстегнутая офицерская рубаша на его животе разошлась, обнажив жуткий шрам – как будто тигр лапой ударил. Хотя... зверь пожалуй был не тигром – больно тонкие и длинные когти.

– Ну, – вопрос слегка удивил майора, – для этого есть особые метатели, и огненные стрелы: только ими такого вот красавца и уделаешь.

(Положим, в крайнем случае хватит и бутылки с нефтью или спиртом с горящей тряпкой, брошенной умелой рукой, но местным это знать совсем не обязательно).

– А взглянуть на эти стрелы можно? – заинтересовался консультант.

– Они есть в боекомплекте боевых машин пехоты, – сообщил Станислав.

– А зачем вы их взяли с собой – тут ведь нет таких нетварей?

– Да, – просто положено! – бросил в ответ майор, про себя подумав что в вопросе колдуна пожалуй есть резон.

– Похоже армии одинаковы во всех мирах, – рассмеялся Тао Хон. Так запомнил – куда ставить Знаки?

Аксимов кивнул представителю привлеченного персонала – так это называлось.

Когда по батальонам и ротам был зачитан приказ о «специфических методах ведения боевых действий, применяемых аборигенами сопредельного пространства» – вот сочинили же, они пару дней ходили чуть не с отвисшими челюстями. Причем все – от солидных «полканов» еще успевших захватить ту войну, до зеленых солдатиков. Но потом также быстро привыкли. И потом, когда командование разродилось этой своей идеей, и офицерам сообщили что рядом с ними будут воевать местные, да еще колдуны и ворожеи – отнеслись к этому с пониманием. Сам он этого не видел, а кое-кому из сослуживцев пришлось повоевать взаимодействуя с бородатыми дикими царандоями за Речкой, и с неграми, обвешивавшими свои АК клыками и когтями львов и леопардов.

И маги довольно быстро появились. Кроме самого главного, доставшегося в качестве трофея – этого самого Арса Аора, появились и новые.

Спустя пять дней после того боя, к воротам города подъе-

хала верхом девица – вполне себе кстати, симпатичная, ведя запасного коня вповоду, и на допросе сообщила, что прибыла сюда по зову Судьбы – как ему рассказывал Вася Млынник, угодивший к переводчикам. Вызванный для консультации Арс о чем – то с ней переговорил и сообщил что ее обязательно нужно принять на службу потому что маги седьмой ступени на дороге не валяются а Алтен Ири – так ее звали, именно такова.

Затем прибыл Тао Хон. По странному стечению обстоятельств именно Аксимов был назначен в караул, когда тот явился в Октябрьск.

Просто пришел по заброшенной дороге сто стороны гор и остановился у наружного поста.

Как и полагалось, часовые вызвали дежурного офицера.

Мужчина лет тридцати в ветхой истертой кожанке на голое тело. Крепкая фигура, уверенный взгляд серых глаз, но лицо человека крепко битого жизнью, лицо матерого бойца. Может, так казалось из-за роскошного шрама на правой щеке? Или потому, что русые волосы покрыты пылью и кажутся седыми?

– Здравствуйте, уважаемый! – представился он. Зовите меня Тао Хон. Настоящее имя у меня было другим, но оно не принесло мне счастья и я предпочел забыть о нем. Я – маг восьмой степени, и слышал что вам нужны люди моего рода занятий. Поэтому я пришел к вам. Примите ли вы меня?

Вызванный Арс как-то очень странно посмотрел на гостя,

но потом буркнул что маги нужны, и махнул рукой.

При этом Тао улыбнулся, а Аксимов подумал, что пожалуй, их главный консультант чего-то не договаривает.

Но самый большой сюрприз преподнес полковник Санин, который добровольно вызвался курировать все эти магические дела.

В результате, не прошло и недели, а у них уже было семь магов – из них правда ни одного боевого, но два весьма сильных – шестой и восьмой ступени, плюс целитель четвертой.

Это все были те, кто шел в злополучном караване, нанятые за золото.

В ближайшие три княжества были посланы гонцы из числа караванщиков, с заданием – нанять как можно больше вольных чародеев: точнее говоря, за любые деньги заманить сюда всех, кто хоть немного в этом разбирается.

Чтобы посланники не сбежали с выданными деньгами, им было обещано отдельное вознаграждение, так сказать, за каждую голову завербованного чародея.

Наконец, Санин сделал то, до чего ни Мезенцев, ни Сентябрьский, ни ученые во главе с Байлаковым да наверное никто бы не додумался. Он предложил прошерстить части и подразделения ОГВ на предмет наличия людей, с магическими способностями.

Было просто объявлено, что все, кто чувствовал в последнее время что-то странное, или кому казалось, что с ним неладно, должен был обращаться прямо в Особую группу –

так называлась контора Санина.

В результате нашлось с несколько дюжин солдат и офицеров, в которых маги определили искру таланта, и даже взялись с ними заниматься. Правда, Хсой Сегг честно предупредил, что большого толка от них не предвидится. Мага конечно можно инициировать относительно легко, но при этом выше первой-второй ступени он не поднимется. Тут требуется долгое обучение и тренировки; да и инициацию толком никто из них не проведет – это обычно привилегия особых наставников, всю жизнь только этим и занимающихся.

Они конечно это сделают, если уважаемые наниматели этого желают, но пусть будут готовы к тому, что неофиты могут пострадать, и даже погибнуть.

Однако обучать начали.

Так или иначе Особая группа советских войск в сопредельном пространстве крепко зацепилась за этот глинобитный город, уже ставший плацдармом.

Наряду с часовыми и маневренными группами на прикрытие встали чародеи. Штабные аналитики лихорадочно прикидывали методы борьбы обычным оружием с магическими атаками. В малом «дворце», ставшем комендатурой и одновременно казармой, появились застекленные рамы, койки и даже запирающаяся оружейная, вдоль стен выстроились железные двухъярусные койки...

А в арках надвратных башен навесили привезенные с той стороны ворота – только что сваренные, сияющие свежей зе-

ленной краской, и с всенепременными ярко-красными звездами на каждой створке.

А в нишах стен, там, где когда-то дежурили стражники (в сапогах с квадратными носами, с луками и ятаганами, украшенными индейскими орнаментами), заняли пост часовые в форме цвета хаки.

Все было готово.

Только вот к чему?..

* * *

– Как ты сказал? – Макеев весь напрягся.

– Идут, товарищ майор, – вновь повторил Чуб. – Прямо на нас! Тысяча, а может быть и больше. Люди верхом на конях, колонной по пять, по шесть.

– В седлах, – почему-то добавил отделенный, может потому, что кавалерию доселе видел лишь в кино. – Еще со знаменами и всякими штуками.

– Я понимаю, что люди верхом на конях, а не кони верхом на людях, – ответил Александр. – Лучше скажи, как они насчит оружия? Как едут – вопят, горячат коней?

– Вроде нет, товарищ майор. Оружие – луки, за спинами, пики на седлах... Еще сабли. Большие – зачем-то уточнил он.

– Что будем делать, капитан? – связался Макеев по радиации Марковым, едущим в БРДМе во главе колонны разведчи-

ков.

Георгий и прислал вестового с потрясающей новостью.

— Давай, тихим ходом... Пристраивайся рядышком, слева. Сам все увидишь.

Машина комроты проделала несложный маневр и, тихо урча, заняла предложенную Марковым позицию.

Макеев глянул в бинокль и обмер. Для верности протер глаза и снова навел тубы прибора.

Однако!

Подобную картину он видел только в кино. Последний раз пару месяцев назад, когда в их часть привезли полтора десятка коробок с вестернами совместного югославско-немецкого производства. Макеев сам и настоял на этом, мотивируя свой запрос тем, что солдатам-разведчикам будет полезно понаблюдать за тактикой боя индейцев. Начальство хоть и удивилось, но особенно возражать не стало. Продукция товарищей из ГДР и СФРЮ отличалась идеологической выдержанностью, а потому вмешательство военной цензуры и особого отдела не требовалось. Это же не буржуазный «Золотой каньон» или там «Золото Маккены».

Вот и глядели его парни в жарком афганском Кандагаре ленты, где полуобнаженный накачанный югославский «индеец» Гойко Митич ловко расправлялся в одиночку с десятками бледнолицых врагов. Смотрели и посмеивались, подмечая ошибки киношников. Но в общем кино было зрелищное, яркое и захватывающее. Не раз и не два подходили бой-

цы к своему командиру, благодаря за «царский подарок».

И вот теперь те же индейцы. Но не на белой простыне экрана, а вживую. В паре сотен метров от их БРДМов. Что называется, лоб в лоб.

– Красиво идут! – невольно восхитился майор.

Ровные ряды, кони движутся нос к носу. Люди в седлах не шелохнутся. Такое дается либо многолетними тренировками, либо впитывается вместе с молоком матери.

«Индейцы» приблизились еще метров на пять, и вдруг встали, как вкопанные. Кони всхрапнули, заволновались, но всадники рывками узды успокоили скакунов. По-прежнему степняки держались с почти скульптурным достоинством, и руки их демонстративно находились далеко от оружия – на виду.

Больше всего Макеев сейчас боялся, что у кого-то из его солдат разыграется дурь, и он решит пострелять пришельцев. Всем разведчикам еще памятна была недавняя стычка в межгорье.

– Не стрелять! – на всякий случай скомандовал майор.

От стана кочевников отделилась группа в шесть всадников. Впереди на белом коне ехал величественный мужчина лет пятидесяти, одетый в звериные шкуры. Наверняка, вождь, подумал комроты. Вон какой на нем чудной головной убор из черепа какого-то местного хищника, похожего на леопарда. И перья, как же без них запаправдашнему индейцу?

– Наши действия, Санек? – раздался в наушниках голос Маркова.

– Готовь толмача, будем принимать парламентариев, – решил майор и, откинув люк, полез наружу.

* * *

Когда связисты появились на пороге его кабинета, Мезенцев был не в лучшем настроении. Но все же сбежал на первый этаж, и одел наушники.

... – Товарищ генерал-лейтенант? – спросил знакомый голос. – Это майор Макеев. У нас тут ЧП намечилось.

– Что такое? Снова нападение? Сколько жертв, сколько пленных?

– Никак нет, товарищ генерал, – Мезенцеву показалось, что наглый «афганец» на том конце хихикает. – К нам тут явилось посольство...

И от кого же?

Можно считать что от целой степи. Ни много, ни мало – двадцать два народа! Союз вот предлагают...

– Что?! – не поверил услышанному генерал. – Ты уверен? Ничего не напутал по незнанию языка?

– Сами убедитесь, – предложил нахал. – Я отправил группу парламентариев к вам в город.

– Спасибо, – бросил Мезенцев раздраженно и зло. Только вот боюсь, мне не до твоих послов к едрене фене, майор!

– То есть как? – опешил майор. На секунду он мысленно нарушив субординацию – во всяком случае слово «дурак» в мозгах определенно промелькнуло.

Что интересно может быть важнее нежели появление первых нормальных людей в этом мире, причем не с войной, а с предложениями дружбы и всего такого?

– Девятая рота... как корова языком слизнула! – ответил генерал, тяжело поднимаясь.

Только один боец да и тот...

К безымянной глинобитной крепостце, в сотне километрах от Октябряска, которую лишь три дня назад заняла девятая рота 891 сводного, они прибыли уже под вечер. Бронеколонна вместе с двумя «Уралами» в которых сидели степняки, остановилась у рассыпавшихся стен, рядом с которыми как-то сиротливо и беспомощно стояли две БМП с настежь открытыми люками, и полевая кухня...

Позже разведчики вспомнят – что самое жуткое впечатление на них произвела эта еще чуть теплая кухня наполненная перловкой с мясом – как докладывал еще утром комроты, они подстрелили матерого самца какой-то степной длиннорогой антилопы, чтобы разнообразить меню, и поберечь консервы.

Именно такое же чувство сейчас испытал Сентябрьский.

...Шаман хранил каменную неподвижность – не дать ни взять индеец из какого-нибудь фильма. Воины вели себя более живо, хотя и с сомнением время от времени принима-

лись щупать железо бортов.

Зато на оружие десантников они смотрели как-то странно – с уважением, но без особого удивления: словно слышали о чем-то таком, или даже случалось видеть нечто подобное.

Это не прибавило Сентябрьскому оптимизма – в конце концов, даже в его родном XX веке есть уголки мира, где до сих пор в ходу копыя и луки. Если к магии добавятся еще и пулеметы, то простое удержание взятых позиций станет ба-альшой проблемой.

На плащ-палатке разведчики вынесли парня. Рядовой Николай Крюков, как уже сообщили – один из ста десяти человек. Сперва Макеев (да и все присутствующие) подумали, что он уже покинул сей мир, – настолько безжизненным было тело на плащ-палатке, но он все-таки жив.

Хотя от последнего порога его отделяло не столь большое расстояние.

Лицо, шея и руки были блее бумаги, и уже как будто от-ливали синевой.

На лице живыми были только глаза, наполненные болью и ужасом. Только движение зрачков да редкое дыхание, говорило, что он еще здесь.

Лейтенант с чашей и змеей на петлицах, провозившись минут пятнадцать над недвижимым солдатом, сообщил устало, что медицина тут бессильна, и он не знает – что с ним.

– Может быть, если отвезти в город, в госпиталь, где врачи поопытнее...

Тут заговорил дотоле молчавший шаман.

– Он говорит, – начал переводчик в ответ на немой вопрос Антонова, – что его не надо везти в город, и наши... он запнулся... – наши знахари ему не помогут.

Он хочет его посмотреть – может что-то сможет сделать.

Полковник только махнул рукой.

Крос-хван наклонился над неподвижным телом солдата, и с полминуты всматривался в него.

– На ваших людей было наведено могучее чародейство, – вынес вердикт степняк. Ни у кого не оказалось амулетов, защищающих от него, и среди них не нашлось владеющего силой, способного его отразить.

– И что же теперь делать? – потерянно пробормотал полковник.

– Нужно снять с него злое волшебство, – сообщил шаман. Я могу это сделать, но понадобится свежая кровь.

– Моя подойдет? – вдруг спросил лейтенант, не став даже переводить фразу.

– Пожалуй, подойдет, – кивнул Крос-Хван.

Кто-то принялся снимать штык нож с автомата, но военмед решительно остановил его, и открыл чемоданчик, откуда извлек острый ланцет.

Через пару минут в подставленную шаманом темную деревянную чашу потекла свежая кровь с трех запястий – одного солдатского и двух офицерских.

Он понюхал содержимое чаши, – словно вампир, или еще

какой-то мифологический кровосос, и занялся солдатом.

Без тени брезгливости сунул он пятерню в чашу, окропил неподвижное тело кровью, а потом коряво вывел на лбу и щеках парня какие-то знаки.

Затем положил обе руки на грудь рядовому, и что-то забормотал, беззвучно шевеля губами.

Известковая бледность сошла с лица Крюкова, дыхание стало заметным, а с губ сорвался тихий плачущий стон.

Товарищ командир, разрешите... доложить... – выдохнул солдат.

Рассказ был сбивчивый и невнятный.

Утром, Крюков, сменившись с караула, решил вздремнуть, и забрался на чудом уцелевшую смотровую площадку башни, рассчитывая что не попадетсЯ на глаза начальству и чуток покемарит. А затем произошло что-то непонятное и страшное.

Он вмиг потерял возможность двигаться. Он пытался пошевелиться – но даже дышал не без труда. Он пробовал крикнуть – но не смог издать даже писк.

А потом внизу начало что-то происходить. В щель кладки он увидел лишь каких-то воинов, тащивших такого же недвижимого бойца – кажется это был старший сержант Тонков из его взвода. Да еще один раз мелькнул седой человек в длинном черном балахоне, подпоясанном золотой цепью.

Потом послышался топот копыт – но не конских, и очень быстро удалившихся. Потом он так и лежал, пока не появи-

лись разведчики.

– Колдовство Ледяной Петли, – бросил Тао Хон. Очень сильное и злое чародейство. Чтобы наложить его на целую сотню, пусть даже без оберегов, нужно человек пять или шесть высших жрецов Проклятого! – поддержал его Хван.

Спроси, – вдруг порывисто бросил Сентябрьский, – спроси его – могут ли они сделать амулеты, которые... одним словом от этого защитят.

– За этим мой народ и прислал меня к вам, – невозмутимо ответил чародей.

Ваше оружие очень хорошее, – он ткнул окровавленным пальцем в АКМ на груди разведчика, – но его недостаточно.

– Тогда пусть скажут, – что им нужно для этого, – уже спокойнее высказался генерал. Все что у нас есть – в их распоряжении.

В глубине души Сентябрьский удивился – как легко он принял мысль об использовании магии, и как легко отнесся к тому что магия и чародейство – это реальный факт.

Впрочем – на войне нужно думать о том как победить, и если для этого нужна помощь магов – значит нужно не рассуждать на тему – есть колдовство или нет, а воспользоваться этой помощью. А им предстояло воевать. И война эта началась не тогда, когда они запланировали. Собственно, они уже воевали.

Про себя он подумал, что воевать пришлось бы в любом случае – это было ясно ему и раньше. Но теперь придется

сражаться не с дикарями, вооруженными луками и катапультами (как он надеялся было вначале) а с людьми, сумевшими подчинить себе неведомую силу, способную поспорить с реактивными снарядами и пулеметами. Ну что ж – в конце концов они сами начали это дело, и теперь придется пройти этот путь до конца.

Между тем Крос-Хван еще раз понюхал содержимое чаши.

– У вас кровь такая же, как и у нас – ни малейшего отличия, – констатировал шаман.

– А как же иначе? – бросил Макеев, дослушав переводчика.

– Так бывает не всегда – даже в этом мире были существа похожие на людей, но... не люди, – многозначительно изрек шаман.

– О чем он говорит? – осведомился отвлекшийся полковник.

– Удивляется, что у нас такая же кровь как у них, товарищ Беляков, – ответил Антонов. Мол, есть люди, у которых кровь другая.

– Угу, – маленькие зеленые человечки, – бросил Беляков. Переводчик тут же прочирикал что-то, шаман ответил, пожав плечами.

– Он говорит, что ассаардар ошибается, – сообщил переводчик, – что Люди Зелени были ростом почти с человека, и много красивее его. И к тому же исчезли несколько тысяч

лет назад.

– Хм, – пожал Антонов плечами, – а насчет летающих тарелок из серебряного металла, прилетевших с неба, он ничего сказать не может?

– О сосудах, упавших на землю с высоты, в которых боги прислали сюда их предков, есть предания у народов, живущих на другом краю Степи, – перевел толмач длинную фразу степняка.

Но он не стал бы слишком верить этим легендам. Плохой народ – трусоватый и мелкий. У них должно быть, загнила кровь от жизни в лесах.

– А от обезьян никакой народ не происходит? – пряча улыбку, осведомился Макеев.

Переводчик запнулся, наморщив лоб.

– Простите, ассаардар – а что такое «облезьяна»? – спросил он где-то через полминуты.

* * *

Год Синего Ветра. Месяц Звездопада, шестнадцатый день

Империя Сарнаргасхал. Сарнагар, Запретный город. Покои Сына Бездны

Ксанх, член Вышнего Круга Вернейших Рабов Того, Чье Истинное Имя Недостоин Произносить Смертный (а попросту, один из главных жрецов-колдунов империи Сарнагара-

сахал), совершал очистительное моление прежде чем войти в императорские покои. Как всегда тщательно и неторопливо. Закончив и пропев последнюю ритуальную фразу, он распрямился, ощутив боль в затекшей спине. Обряд поклонения божеству должен быть соблюден как должно, несмотря ни на что, но в последнее время жрец стал все чаще чувствовать, что установленная согбенная поза все сильнее утомляет его.

Он бы, пожалуй, пренебрег малым поклонением, тем более, вряд ли кто упрекнул бы его. Но оное полагалось совершать всегда при посещении Сына Бездны, и могли пойти слухи, что положение стало опасным, раз уж сам Верховный Жрец пренебрег должными церемониями. Впрочем, это недалеко от истины.

За распахнувшимися дверьми взору Ксанха предстали небольшие покои (всего тридцать на двадцать шагов).

На низком столике в нефритовых чашах стояли золотое вино и легкая закуска – спелые яблоки, залитые медом.

На огромном пушистом ковре – плечо к плечу, бедро к бедру – неподвижно, молча, лежали на спине в два ряда десятка три полностью обнаженных девушек.

А сверху возлежала еще одна – вовсе не молчавшая, а тихо стонавшая.

На нее взгромоздился еще молодой, но уже с изрядным животиком мужчина в приспущенных шароварах.

На вошедшего он не обратил никакого внимания.

– Ничтожный позволит себе потревожить Сына Бездны, – вкрадчиво изрек Первый Слуга, с непонятным раздражением созерцая бледный вялый зад императора, ходящий вверх-вниз.

Тот по-прежнему как будто не обратил внимания на посетителя.

Жрец с некоторой иронией подумал, что дело совсем не обязательно в охватившей владыку страсти. Сын Бездны лишний раз показывал, что сила не иссякла в его чреслах. Ведь угасни телесная сила и мощь – значит, пора Сыну уходить к Прародителю.

Причем, так сказать, индикатором немощи служила неспособность государя удовлетворять своих жен и наложниц.

Иногда, правда, императора приносили в жертву вне очереди.

Распластавшиеся на ковре девицы хранили неподвижность, словно спали.

Живое ложе было удовольствием изысканным и очень дорогим. Собственно, в империи Черного Солнца оно было доступно лишь императору и наследным принцам. От дев, составлявших его, требовалось два качества – дородность и полнота, дабы пользующийся ложем не ощущал костей под собой, и умение долго сохранять неподвижность. (Последнее, пожалуй, было главным). Лишь когда владыка соизволял отойти, девушки быстро вскакивали и убегали, уступая

место новой партии, так что когда тот возвращался, то зачастую даже не замечал подмены. Кормили их лучше, чем даже гаремных наложниц, а позже находили им достойных мужей.

Впрочем, и порядки были строгими.

Девушка, подающая признаки жизни, могла быть наказана. А после третьего такого случая провинившуюся изгоняли из числа приближенных прислужниц, и дальнейшая ее судьба уже никого не волновала.

Нет, ее не посылали на алтарь, как думали некоторые. В жертву владыке приносились лучшие – кровь никчемной девки только оскорбила бы святилище. Ее могли послать развлекать солдат дворцовой стражи или даже куда-нибудь в гарнизон, выдать замуж за трубочиста или уборщика, ну, сослать в храмовые деревни или отдать сельским рабам на развод. В самом худшем случае – приковать в подземелье и оставить умирать от голода и жажды, или отдать палачам чтобы те не утратили навыков – им ведь требовалось время от времени практиковаться в своем искусстве.

Тем временем кое-что изменилось.

Легонько хлопнув ладонью наложницу – та, став на четвереньки, проворно убежала за занавесь в углу, император сел на пятки, как был – не подтянув легкие шаровары, и уставился на гостя. Жрец заметил, как болезненно дрогнуло лицо одной из девушек, на живот которой оперлись колени толстяка. Самую чуточку. Но все равно – непорядок. Впрочем, возможно, его просто подвело зрение?

Да и вообще – ему сейчас не до нарушений этикета.

– Подойди, – расслабленно бросил владыка.

Жрец приблизился, равнодушно ощущая под ногами живую девичью плоть – к Сыну Бездны даже он должен был входить не иначе как босиком и опустив глаза.

– Тревожные вести с границ, Величайший, – доложил он.

– Что такое? – на жирном лице владыки появилось сучающе-брезгливое выражение.

– Я уже докладывал Сыну Бездны о появлении в Аргуэр-лайле чужеродцев...

Повелитель кивнул.

– Теперь они заключили союз со Степью. Вслед за этим Великий Шаман степняков, Айг-Серинго, вместе со своим войском и новыми союзниками совершил набег на область Тросс, разгромил храмы Шеонакаллу, владыки нашего, повесил жрецов и служек на воротах, а на холмах восстановил капища. Трое суток длились пляски вокруг идолов, и поругание имени нашего Владыки.

– Ну что же, – надменно изрек император. – Ты должен действовать со всей надлежащей суровостью и прилежанием. Распорядись передать мою волю воеводам и всем, кому надо – наглые кочевники и пришельцы должны быть наказаны. Ступай.

Ксанх вышел, как и положено, не поднимая глаз.

Хотя император не решает по сути ничего, но таков закон.

Отпрыски царского рода не могут занимать жреческие

должности, и власть Сына Бездны заканчивается за порогом даже самого захудалого сельского храма. Однако именно он, владыка земной, что лишь царствует, но не правит, есть носитель высшей благодати, единственный, кто имеет право властвовать над всем Аргуэрлайлом, от северной вершины круглого мира, до южной вершины, всеми землями ведомыми и неведомыми. Ибо он – прямой потомок аватары самого Господина Шеонакаллу – высочайшего из Высочайших, и как гласили тайные книги – единственного истинного божества.

* * *

Октябрьск

– Ты хотел узнать о том, что было раньше, distinguished чужак? – фраза прозвучала в устах дряхлой сказительницы не как вопрос, а как утверждение.

Каково прошлое Аргуэрлайл? Не знаю – зачем тебе, высокому посланцу столь могущественной страны это знать, но я исполню твою просьбу.

Вольновский разминая пальцы включил магнитофон, молясь чтобы лента не заела, и торопливо раскрыл блокнот, лишний раз порадовавшись что в отличие от молодого поколения обучался ныне уходящему в прошлое искусству стенографии.

Ибо чары овладения языком распространялись почему-то

лишь на живую речь...

Вздыхнув несколько раз, Сергана начала распевным речитативом.

— Прежде, тысячи лет назад, этого мира не было, а был иной мир. И мир тот был благ и добр, и свет Высочайших озарял его. И благодать истинная пребывала на всем и на всех людях, до самых сильных властителей.

— Прежде, тысячи лет назад, этого мира не было, а был иной мир. И мир тот был благ и добр, и свет Высочайших озарял его. И благодать истинная пребывала на всем и на всех людях, до самых сильных властителей. Маги искусно управляли погодой, и не было засух и неурожаев.

Ветра дули, как это было угодно мореходам, и корабли быстро пересекали океаны. Летающие колесницы не только использовались в войнах, и не только доставляли гонцов, но и перевозили людей, естественно, тех, кто мог заплатить.

Горящие вечно светильники освещали улицы городов и дома, превращая день в ночь, и неугасимые маяки указывали судам безопасный путь.

Незримые пути позволяли всякому, кто обладал даже небольшим Даром перемещаться по Древним Дорогам.

Были бедняки и богатые, но не было нищих и голодных.

Войны велись, но без излишней жестокости, и победитель щадил побежденного.

Да и большие войны давно прекратились, вспыхивали только мелкие стычки, да еще схватки с еще непокоренными

племенами и мелкими царствами на границах великих держав.

В блеске и величии возвышался Туллан, что лежал на сотнях островов в дальнем океане. Процветало царство Сай на месте Сарнагарасахала. Древней мудростью, бывшей древней уже тогда, переполнялась Шривижайя, в храмы которой приходили паломники со всего света, дабы приобщиться к великой благодати этой земли, где по преданию были созданы первые люди.

И были еще многие иные царства, величием превосходившие самые сильные из нынешних, но даже имена их забыты теперь.

Но все в этом мире конечно, и даже боги могут стареть и умирать. Начал стареть и болеть и этот мир, хотя это мало кто заметил.

Цари и знать стали предаваться распутству и безделью, и дошло до того, что извращения и безумные развлечения стали обыденным, а простые человеческие страсти и дела – презренными в их глазах.

Воины развратились и разленились, не желая воевать, но тоже вождедея властвовать. Маги взалкали могущества ничем не связанного, перестали почитать Высочайших, и в безумии гордыни своей принялись искать пути к Темным Владыкам. Другие нестерпимо возжелали власти земной, говоря, что де все люди низки перед нами, взысканными мудростью и силой.

А жрецы больше не служили богам и не носили в себе благодати ни на мышиный коготь. Тоже возмечтали они о власти и тоже искали путей обрести чуждую силу. А пуще того – проводили жизнь в увеселениях, беря во всем пример с благородных.

Глядя на них, и простой народ начал роптать и думать не о должном пути, но о том, как бы повеселей и полегче прожить земную жизнь. Многие не заводили детей, чтобы не тратить сил на них, рассуждая, зачем, что нам до тех, кто будет жить после нашей смерти?

Труду предпочитали безделье, и когда правители на праздниках устраивали угощение, тысячи и тысячи нищих учиняли побоища, ради того, чтобы завладеть дармовой едой.

Торговцы старались обмануть друг друга, а несправедное богатство промотать в распутстве и увеселениях.

Настали времена, и пали древние династии тех, в ком текла божественная кровь Высочайших.

И словно бы исчезла благодать из мира. Начались бедствия и стихи словно сошли с ума, нарушив свое привычное круговращение.

Луна затмевала Солнце, чуть ли не каждую четверть. Земля тряслась, сбрасывая со своего тела города, как лошадь стряхивает севших на нее мух. Пересыхали реки, выходили из берегов моря, степи покрывал пепел горящих лесов.

И в трепете был мир, и хотели уже многие страны обру-

шиться на безумцев, пока те не погубили Аргуэрлайл, но тут оказалось вдруг и сразу, что нет ни воюющих царств и войск, ни даже народов, живших там, а только руины и жалкие остатки живших там прежде, почти лишившиеся разума от пережитого ужаса.

И самая первая из Великих Войн завершилась тем, что не стало тех, которые затеяли ее.

Но оставались другие страны – царство Хуптар, что было на месте Шривижайи и Магуррана, три царства, что находились на огромном острове или материке, что лежит в южном море, и страна Тикал: на ее месте ныне пустыня, а столица, Ирем, стала обиталищем демонов. Бедствия затронули их не так сильно, и они устояли. И тогда решили их цари, вельможи и маги, дескать, беды пришли с севера и погубили тех, кто их вызвал. Значит, нужно пойти на север и взять себе опустошенные земли и все, что там еще осталось, чтобы возместить понесенный ущерб. Это казалось им справедливым и правильным.

Но тогда владыки страны Мирс, и Танитии, и Таршеша, и иных, что лежали на южном берегу Великого моря и были вассалами Великого Туллана, вдруг спохватились. «А почему это чужаки хотят присвоить себе павшее царство Дома Горрала? – спросили они. – Разве не платили мы веками дань ему? Разве не посылали своих солдат на их войны? Разве, наконец, не породнились мы с потомками Высочайшего владыки моря, отдавая им в гаремы своих дочерей?»

И вновь вспыхнула война. Теперь уже не сильнейших против сильнейших, а многих сильных против многих сильных. Сталь и бронза ударялась о сталь и бронзу, и магия отражала магию. И тогда стронулись с мест сами основы мира, расшатанные неразумными людьми, и рухнул он. Так окончилась Вторая Великая война, и началась Эпоха Кары...

Одновременно пробудились вулканы – десятки, сотни, иные из которых молчали с незапамятных времен. Землетрясения превращали в руины города... Воды моря соединялись с подземным огнем, порождали ужасные взрывы, сокрушавшие целые острова, так что обломки скал взлетали к самому полярному сиянию. Волны, высотой сравнимые с горами, обрушились на берега, смывая все, даже почву, оставляя лишь голый камень и мертвую глину.

Но все это было лишь началом.

Выпадали ядовитые дожди, от которых умирали деревья и травы, а у людей слезала кожа. Земная твердь раскалывалась, и из трещин изливались, подобно рекам, потоки кипящей лавы...

Аор говорил нараспев, ровным, без выражения, голосом, словно повторял заученный когда-то наизусть древний текст. Да, наверное, так и было.

– Море кипело от подводных вулканов, и облака горячего пара сжигали все живое. Тучи раскаленного пепла и камней вырвались из недр гор и испепеляли все вокруг. Гигантские волны и протоки вод, несшие целые скалы, заливали равни-

ны.

Вспыхивали пожары, опустошавшие обширные области. Горели нивы и сады, бешеный огонь выжигал леса. Пламя столь стремительно распространялось, что даже быстроногие зайцы и дикие быки не успевали спастись бегством. Пожары испепеляли поля и деревни. За ними приходили исполинские смерчи и стирали с лица земли то, что оставляли пожары. Дымы застилали небо, превращая дневной свет в ночной сумрак. Вода рек и озер становилась горькой. Жуткие видения начинали терзать испивших этой воды и они умоляли окружающих спасти их от преследующих их призраков.

– Подводные извержения и взрывы, – монотонно продолжал молодой чародей, – порождали все новые и новые цунами, обрушивавшиеся на пощаженные первой гигантской волной берега, топя корабли, на которых люди пытались бежать в безопасные места. И все это, говорят легенды, случилось всего-то за несколько недель, даже солнечный свет еще не успел померкнуть от туч вулканического пепла, пыли и дыма громадных лесных пожарищ. Не только земля, но и небо испытало на себе ярость разрушения. Бег светил изменился на глазах.

Неподвижные звезды сошли со своих мест. Небесная сфера поколебалась, и светила изменили путь, и Луна прыгала по небу, как мяч в руках Высочайших. Сдавалось, гигантские демоны бьются со звездами, и гром этой битвы сотрясал землю.

Людам чудилось, что небо падает на землю, и в преданиях иных народов это время называется Эра Рухнувшего Неба. Сильнейшие ветра дули много дней, унося людей и валя леса. Выпадали дожди из горячего пепла и раскаленных камней. Моря отступали далеко к горизонту от берегов, обнажая дно, а затем приходили волны достигавшие небес. Земля трескалась, и из трещин вырывались тучи раскаленного газа. От подводных извержений кипели моря.

Города рушились, становясь грудой камня. Мощные ветры, бешеные шквалы, волны, вздымающиеся на высоту гор, опустошили берега морей и океана.

Люди метались как безумные, тщетно ища спасения. Иные пытались спрятаться внутри самых прочных строений, но те рушились, как будто были слеплены из грязи. Другие пробовали укрыться в пещерах, но рушились скалы, замуровывая их навсегда в глубине тверди. Прочие бежали в леса, но и там не было им пощады.

И еще великое бедствие пришло – не с земли, но свыше, будто разъяренные небожители решили покарать обезумевших смертных.

С неба упали огромные скалы. Гром от удара прокатился по Аргуэрлайлу несколько раз, и от эха его содрогались горы и рушились стены городов.

Моря взорвались исполинскими цунами высотой выше иных гор и ушли, смыв целые страны, оставив после себя гигантские болота – целые океаны грязи.

Во многих местах наступила ночь, длившаяся целые годы, в других – лишь сумрак и холод. Прежде плодородные области превращались в пустыни, и лишь один из ста выживал в еще недавно цветущих странах. Толпы живых скелетов пожирали друг друга.

Страх и отчаяние подвигли многих отказаться от почитания прежних богов, которых обвиняли во всем случившемся. Люди обратились к самым древним и диким верованиям, пытаясь заключить союзы с силами Тьмы и Зла в надежде, что они избавят их от бед, смилостивившись над своими слугами. Неведомым и Темным приносились обильные человеческие жертвы, сопровождавшиеся мучениями несчастных.

Жестокие культы множились, и случалось, в жертву приносили каждого третьего, чтобы спастись оставшимся двум.

Вырождалась и магия. Носители знаний были освобождены от надзора, от обязательств, которые налагались на них древними кодексами, властью, старейшинами. Страх смерти и желание защитить соплеменников оказывалось сильнее всех других чувств. Прежде запрещенное становилось разрешенным. Черное служение, допускавшееся ранее лишь в самых тяжелых случаях, теперь делалось обыденным. Расцвела некромантия и наведение порчи.

Иные чародеи, казалось, сошли с ума вместе с миром и творили такое, о чем страшатся говорить древние легенды. Ибо даже знание этого способно осквернить человеческую душу. И когда бедствия ослабили хватку на горле мира, ока-

залось, что лишь каждый двадцатый уцелел, из тех, кто жил прежде.

Так прекратилось прежнее время и настало новое. Сгинуло бывшее величие и благо без следа. Исчезло все – слава, мудрость, могущество, память, имена царей мудрецов и героев, и даже тех, кому они молились, и быть может, не зря в иных легендах говорится о том, что падение прежнего мира было отражением великой битвы между древними богами и теми, кого потом стали именовать Высочайшими.

Саэлла сглотнув, облизала пересохшие губы.

– Ты, позволишь, тун, чтобы на сегодня я закончила свой рассказ?

Потрясенный Вольновский лишь кивнул.

* * *

Аргуэрлайл. Год Синего Ветра

Месяц Звездапада, двадцать девятый день

Тело ломило... Хотелось есть... Где он и что с ним капитан не понимал. Капитан – это его так зовут? Капитан это он? Какие-то видения – страшные и неопределенные преследовали его в странном забытии. Он не помнил их – помнил только последнее видение... и пустота. Нет – и его забыл!

Совсем память никакая, стала – а ему у всего тридцать: самый молодой майор в дивизии. Майор, дивизия...

Да – это он – капитан Станислав Станиславович Аксимов,

тридцати лет, заместитель командира отдельного дивизиона самоходных гаубиц. И с ним случилось что-то пакостное! Глаза болели, но нужно было их открыть... Но черт возьми – что с ним было?? Ничего не помнит – только жуткие видения и многоголосое завывание на грани слышимости. Что за завывание он не помнит – разве лишь то, что встречаться с теми кто так воет, он бы не хотел даже сидя внутри своей САУ-122.

Так собраться и все вспомнить – они ехали в Октябрьск от Золотой Горы, через долину Урхо-Саан. Долина считалась местом безопасным – так уверяли маги и шаманы...

Он ехал на БТР-30 вместе с отделением сержанта Рената Иннулина... БТР – это машина предназначенная для передвижения солдат на поле боя. Боя... Боя? Стало быть он в Афганистане?

Нет – он в Аргуэрлайл, в мире магов!

Вот!

Серая пелена прорвалась словно рассеченная невидимым клинком, и капитан Аксимов вспомнил. Вспомнил все...

Как затормозил вдруг бронетранспортер, и сидящий за рулем ефрейтор плавно, как на экзаменах по вождению погасил скорость.

Как четкими движениями распахнув люк, выбрался наружу Иннулин.

Как сам капитан не спрашивая – что происходит, выбрался вслед за солдатами...

Еще один из них – лопоухий первогодок, неловко скользнул ногами по броне, слезая с машины, и другой боец – по-старше и поопытнее, ловко подал ему руку, помогая не сверзиться на землю.

А тут, на лесной дороге их уже ждали.

И капитан не удивился – все так и должно было быть.

Трое людей в черных балахонах – какие они видели на трупах жрецов Шеонакаллу (надо же – а он никак не мог выговорить имя этого треклятого бога!) в сопровождении семи или восьми воинов с обнаженными мечами на изготовку, в пластинчатых доспехах поверх кожаных курток – такие доспехи назывались в его мире «колонтарь».

Аксимов с трудом но все же открыл глаза.

Прямо перед ним стоял один из колдунов – тот, балахон которого был расшит черными жемчужинами и алмазами.

У его ног валялся седой старик в песчанке с сержантскими погонами.

Немного поодаль сидел тот самый молодой солдат, что чуть не упал с машины, и постанывая, раздирал ногтями лицо. Кровь капала на гимнастерку, впрочем уже залитую двумя темными потоками, истекавшими из пустых провалов глазниц.

– Ты силен, – с уважением смешанным впрочем с презрением (дикая смесь но именно так и было) изрек маг. Он совсем близко – капитан вполне мог бы ударить его в горбатый отвисший кадык.

Однако что-то словно пригвоздило офицера к земле. Он почувствовал, что не может сделать и шагу.

– Что за х...ня? – выматерился он смачно и громко.

В ответ раздался жуткий замогильный хохот.

Рука капитана потянулась к оружию.

Проклятье!! Его пальцы, ставшие вдруг какими-то неживыми, соскальзывают с такой привычной рукояти табельного оружия. Ну, еще, ну...

– Ну что же ты? – с издевкой молвил шаман, пощелкивая пальцами. – Почему же ты не стреляешь в меня из этого своего пи-сто-лета?

Странно, говорит по-русски совсем без акцента. А вот недавно приданный его подразделению шаман-степняк, несмотря на эти ихние «чары понимания», без переводчика двух слов связать не мог.

– Кстати, эти ваши штучки намного слабей наших метателей, – сказал чародей, ткнув пальцем в оружие Аксимова. – Но, впрочем, скоро те из вас, кто останется жив, будут делать их для нас. Мы не будем всех убивать – рабы никогда не бывают лишними...

Капитану все-таки удалось совладать с непослушным «стечкиным» и нажал спуск – сам не понял как. Хотя отдача выбила тяжелый «ствол» из руки, но пуля почти достигла цели, оцарапав колдуну висок.

– Да, из тебя получится плохой раб, – констатировал колун, даже не изменившись в лице. – Слишком горячий и

непокорный. Да и вообще, ты меня рассердил. Так бы я, может, подарил вам легкую смерть, а теперь...

Он вновь защелкал пальцами.

Словно мягкая, но тяжелая лапа навалилась на плечи Станислава – так исполинская кошка придавливает к земле жалкую мышь – не убить, а поиграть... Перехватило дыхание, и мир вокруг поплыл. Аксимов инстинктивно зажмурился, и в закрытых глазах заплесали оранжевые блики. Тяжесть собралась внизу живота, а потом ринулась вверх. Горячими струйками хлынула кровь из носа и рта. Каким-то чудом удержавшись на ногах, капитан захрипел. Дальше не было уже ничего.

Ничего, ничего кроме боли и мучений, выжигающих дотла саму душу.

– Аааааааа!!!!

Ничего, кроме огня, пожирающего каждый атом тела.

– Ааааааааа!!!

Боль внезапно отпускает, словно вытекая, да именно вытекая, куда-то через его руки. Потихоньку начинает возвращаться и зрение.

Все видно сквозь багровую дымку – шагов на пять-шесть, не больше.

Но ублюдка в черном балахоне он различает хорошо.

Тот уже не ухмыляется. Беззвучно вопит, извиваясь, а пульсирующая огненная змея сдавливает его в своих объятиях. Он уже не щелкает перстами – его пальцы на глазах

превращаются в обугленные костяшки. Вылезшие из орбит глаза смотрят на майора.

И капитан ударил – он не понял чем, но ощутил этот удар так же явственно, как если бы бил врага огромным топором со всего маху. И тот будто от удара топора и развалился пополам, окутанный душным паром кипящей крови.

Станислав увидел неуклюже наступающих на него людей с мечами – потом он понял что те на самом деле быстро ринулись на него. Но это им казалось что они быстро ринулись – на самом деле они не успели пройти и трех шагов, как их доспехи (заговоренные, как он явственно видел, и заговоренные неплохо – но не от такой магии), вспыхнули и раскалились докрасна, мгновенно запекая своих хозяев живьем – те наверное даже и почуять толком не успели.

Позади кто-то плетет Ледяную Петлю – медленно и неумело – сам капитан сплел бы быстрее, хотя его этому не учили. Разворот – мах вверх вниз раскрытой ладонью – и мордастый служка превращается в что-то, похожее на угодившую под грузовик лягушку. Правда, не умирает – на то он и маг, что его так просто не убьешь. Но времени и желания избавлять черного мага от мучений у капитана нет.

Остается последний – беловолосый юноша, почти подросток.

Но он почему-то не сопротивляется, а падает на колени и вопит ломким срывающимся голосом.

Капитан догадывается, что волшебник-недоучка просит

пощадить его, соглашаясь быть его, Аксимова, вечным рабом. И даже произносит – нет, не может быть – Заклятье Полной Верности, оплетшее его фигуру оранжевыми нитями.

Только тут капитан возвращается...

И первое что увидел – мертвые тела пяти солдат. Что с ними делали он не понял – разобрал только что это не обычная боевая магия: с ними просто развлекались...

Он яростно обернулся на последнего оставшегося колдуна, но тут же махнул рукой, ибо тому было еще не под силу сделать такое.

Года через два...

Ладно – нужно позаботится о живых.

Двое – ефрейтор и его ординарец, Юрка Семенцкий подавали признаки жизни. Еще не покинула жизнь тела и трех оставшихся – но сердца их остановились и если...

Если не будет – ведь он, капитан Станислав Станиславович Аксимов, не кто-то, а маг!

Напрягшись, он старается запустить их сердца. Но что-то не получается – сила как будто уходит сквозь пальцы. Черт – что же делать?!

Тогда, ведомый чутьем, он подобрал валявшийся на траве черный меч, и наотмашь ударил клинком еще живого колдуна. После чего и швырнул вырвавшуюся из пораженного на смерть тела, силу, через себя, деля на три потока – к еще живым телам товарищей.

И испытывает невыносимую радость, когда жизнь возвращается в неподвижные сердца, и легкие начинают жадно хватать воздух.

После этого силы окончательно оставляет его, и он без сознания опускается наземь. И не чувствует, не видит, как причитая, бегают вокруг него мальчишка, хватаясь то за флягу, то за мешок со снадобьями, как поднимаются с земли шатаясь, его товарищи, с ужасом разглядывая поле боя, и как рассыпается в прах обгоревшее тело чародея десятой степени Сосора Ту, жреца-мага Шеонакаллу, любимца самого Ксанха.

* * *

– Этого не может быть! – строго произнес жрец-маг. Среди пришельцев неоткуда взяться чародею. Во всяком случае – такой силы, чтобы повергнуть мага десятой ступени.

– Может быть, это был кто-то из примкнувших к ним колдунов, переодетый в одежду чужого воина? – вкрадчиво предположил Сульху.

– Маг не станет одевать одежду воина, – раздраженно бросил жрец. – Кроме того, среди вольных магов редко встретишь даже четвертую ступень. А тут не ниже девятой!

Выясните все, и не являйтесь, пока не сделаете это.

Оставшись один, Потомок Змеи бессильно откинулся на спинку кресла.

Если бы кто увидел сейчас его лицо, то понял бы – один из главных чародеев Сарнаргаса напуган. И неспроста. Ибо то что он слышал только что, было плохо. Это было очень плохо. Очень плохо.

Значит, в мире, откуда пришли эти странные воины, магия не умерла, но лишь спала, и теперь пробуждается.

И никто, следовательно, не помешает чужакам нагнать сюда столько людей, сколько потребуется, чтобы обнаружить достаточное число колдунов. Их ведь там, по другую сторону мира – тьма и тьма...

Значит, изгнать их вон нужно как можно быстрее, пока те не догадались воспользоваться этим.

* * *

Мезенцев не знал что делать. Мало им параллельного мира непонятно как и откуда появившегося на месте обещанного Байлаковым нормального прошлого! Мало им войны с магами и самих магов! Теперь маги начали появляться и у них – и хотя как военачальник он был откровенно рад, как работник госбезопасности откровенно боялся вытекающих из этого проблем. Нет, он-то знал что и земляне способны к магии – но предполагал что у него и ответственных лиц есть время для подготовки – пока школа колдунов Мак-Арса выпустит первых чародеев советского разлива! А теперь чего? Да еще какой маг и как появился! Сегодня утром на БТ-

Ре в распоряжение передовых постов Октябрьска влетел – иного слова не подберешь, – капитан Аксимов собственной персоной, исчезнувший вчера вместе с этой самой машиной и отделением мотострелков.

С собой он привез половину отделения в состоянии разной степени тяжести – кто шибанутый местной магией, кто просто похоже не в себе. С собой он также привез на броне погибших – своих и чужих, при чем и на тех и на этих смотреть без ужаса не могли не то что солдаты ОГВ, но даже и местные, вроде привычные ко всяком зверству.

С собой он также привез пленного – не кого-нибудь а саргарнахальского колдуна, причем сразу при виде его степняки принялись с довольным видом сооружать костер, и даже притащили самый большой казан, распевая в радостном предвкушении веселые песни.

Правда, явившийся Арс Мак тут же охладил их пыл (во всех смыслах охладил) – сообщив что мальчишка уже успел дать Высшую Клятву Аксимову, и теперь является его пожизненным рабом. К удивлению Мезенцева, степняки не попытались возмущаться – ибо, союзники рабов за людей не считали (да, вот еще проблема наклеывается).

Но все это меркло перед тем, что ему заявил капитан.

Он просто явился к нему, и сообщил что получил непонятно каким образом большие магические способности.

Вызванная тут же Алтен это подтвердила, при этом с уважением поклонившись, ибо как выяснилось, Аксимов стал

не просто магом, а магом девятой степени – в то время как сама волшебница имела всего лишь шестую, и повысить классность (как бы сказали на Земле) рассчитывала не так скоро.

Спасибо хоть пояснила в чем дело – иногда, дремлющие магоспособности пробуждались у людей о них не подозревавших после обработки мощной магией – видимо, сарнаргасхальский колдун и не подозревал ни о чем таком.

А теперь как радостно сообщила девушка, у них есть благодаря этому маг-огневик большой сил: ценой всего пяти погибших простых солдат.

Мезенцев на это циничное замечание никак не отреагировал, лишь приказав капитану отдыхать.

Да – дела принимали все более дикий и непонятый оборот.

А ведь все только начиналось!

* * *

*Аргуэрлайл. Год Синего Ветра. Месяц Теплых Ночей,
одиннадцатый день*

Урочище Трех Скал

– Значит, наступают, говоришь? – спросил майор у растерянно хлопающего ресницами старшего сержанта.

– Ага, – кивнул он.

– И пули, говоришь, не берут?

– Ну, стреляли, а падало мало, словно мазали сплошь, – с той же оторопью сообщил командир поста передового охранения.

Майор мысленно выругался.

Трое суток назад его бригада разместилась тут, на ничейной земле, в трех сотнях километрах от границ империи Сарнагарасахал – на самом удобном направлении удара, аккуратно поперек влажной, идеальной для конницы долины.

Разместились они руинах древней крепости. Крепость впрочем была скорее понятием условным – она являла представляла собой единственную стену с двумя осыпавшимися башнями. Остальных трех стен, призванных вместе с этой образовать прямоугольник на вершине травянистого холма, не было вообще, не проглядывали даже остатки фундамента. Можно было допустить, что их разобрали на кирпичи, если бы знать, кому тут мог понадобиться кирпич.

Что помещалось внутри стен, тоже оставалось загадкой. Сейчас там не было ничего, кроме сусличьих нор.

Впрочем теперь там располагался его полк. Полк сводный и по своим боевым качествам, прямо скажем, так себе.

Один усиленный батальон мотострелков. Один – танковый. Тоже усиленный.

Отдельная авторота, предназначенная единственно для перевозки союзников.

Один минометно-артиллерийский дивизион.

Плюс приданная авиация – звено Ми-24, три машины под

командованием капитана Демьянова.

И еще пусть не тяжелая артиллерия, но что-то вроде нее. Чародеи в количестве трех единиц.

Два мага (вернее, маг и магичка, а может лучше сказать, магиня?), и шаман из степняков.

Три колдуна на небольшое войско, а именно войском считалась эта незначительная по земным меркам часть, — это немного. Но с учетом, что всего знатоков «неспецифических способов воздействия» в их распоряжении было чуть больше сотни — совсем немало.

А с другой стороны...

Честно говоря, Макеев рассчитывал, что имперцы, если и раскачаются прощупать первыми неожиданных соседей, то пройдет немало времени.

И вот не успели они толком разместиться, как враги пожаловали.

И враг этот, как кажется, не так прост — целое стадо пехоты. Интересно, как они ухитрились сюда добраться так быстро?

Им же идти дней пять самое меньшее? При том, что разведка у союзников поставлена так себе, а авиапатрулирование так и не налажено — неужто никто не заметил такую толпищу?

Макеев глянул в стереотрубу и не смог сдержать тяжелого вздоха. Это ж надо. Доселе он даже не представлял, что такое «тьма-тьмушая» неприятеля. Теперь вот довелось спо-

добиться напоследок...

Отогнал мрачные мысли. Чего это он себя раньше времени хоронить вздумал? Только потому, что противника «чуть больше», чем майор привык наблюдать до этого? Да хрен ему в глотку. И мы не лыком шиты, и щи не лаптем хлебаем. Каждый из его ребят стоит целого отделения, а то и взвода. Марков, Марков, Чуб, Серегин... Всех не перечесть.

В конец концов, в этой ситуации главный вопрос: хватит ли боеприпасов перебить их всех, вернее, столько, чтобы оставшиеся бросились прочь, смазав пятки салом...

Должно хватить. С другой стороны, там наверняка есть маги. Но ведь и у них они есть. Вон сколько Аор уже помог Особой Группе войск. Да и Кросс-хван – ученик самого Айг-Серинго, верховного шамана степняков, уже не раз показывал, на что способен.

Вот насчет этой девушки Алтен, недавно появившейся в ОГВ, сомнения есть – она себя еще никак не успела проявить. Однако если Арс Мак поручился, что дама сия весьма способная магиха, тьфу, магичка, и в деле не подведет, то надо доверять мнению специалиста.

Ага, началось. У неприятеля первого сдали нервы. Что ж, давайте, примем, как родных.

Первая шеренга войск Сарнагарасахала пошла в наступление. Впереди воинов были выставлены защитные экраны, сколоченные из деревянных досок.

Мантелеты – так эти штуки называются. Вернее, называ-

лись на Земле – вспомнил Макеев розданную накануне инструкцию по средневековому вооружению.

Может поэтому солдатики из передового охранения решили, что мажут? Но все равно – что-то тут неладно – пули пять пятьдесят шесть, конечно, слабее старых, но чтобы ее остановить нужно солидное бревно не абы какого дерева. Ладно там, стрелы или какие-нибудь копья. Но огнестрельное оружие – не шутка. Это уже из со-овсем другой эпохи.

Трассеры прочертили пунктиры к атакующему строю, помогая корректировать огонь. И – ничего. Кто-то покачнулся и упал, но вновь поднялся.

В голове Макеева запульсировала тревожная мысль. Наверное, треклятые маги применили некий амулет, отклоняющий пули. Но ведь и Арс и шаманы, сразу после того, как увидели огнестрелы в действии, единодушно твердили, что если отбить одиночную пулю и можно исхитриться, то даже короткая очередь станет смертельной даже для архимага.

А потом окуляры стереотрубы приблизили лицо одного из толкающих щиты.

И вот тут майор почувал, как подкашиваются ноги.

Он отвел глаза от стереотрубы, крепко зажмурился и, надеясь, что ошибся, вновь посмотрел.

Лицо человека (?!), выглядывающего из-за щита, было серо-зеленым, со свисающими, отслоившимися клочьями плоти, из-под которой виднелась кость и что-то сочилось.

И человек этот размеренно двигался вперед.

Александр обреченно повернул стереотрубу, разглядывая жутко скалящиеся мертвые рты, ввалившиеся полужакрытые глаза, старые почерневшие раны.

Вот одного «удавленника» с высунутым языком клюнула в бок пуля, но он только споткнулся и спустя мгновение поднялся вновь.

Долетевшие до него из траншей возгласы оповестили, что не один он понял, с кем им предстоит сразиться...

«Чертовы колдуны! Почему не предупредили?!» – была последняя внятная мысль.

Бойцам ОГВ в определенном смысле повезло. Будь на их месте, допустим, американцы, хорошо знакомые с фильмами ужасов, или скажем, обычные русские парни, но только из другого времени и другого мира, они наверняка в панике бросились бы наутек.

Но сейчас позиции занимали бывшие пионеры и нынешние комсомольцы, не верившие по большей части ни в Бога, ни в черта. А слова вроде «зомби» и «некромант» так вообще были для них пустым набором звуков. (Самые продвинутые разве что сочли бы последнего какой-нибудь помесью некрофила и наркомана).

Именно поэтому, даже сообразив, что за противник сейчас перед ними, советские воины растерялись, оробели, но не испугались в полном смысле слова.

Они просто не знали, что оживших мертвецов следует очень бояться. И уж подавно и не имели представления, что

воинские уставы и обычаи этого мира прямо предписывают войску при нападении «неупокоенных» спасаться бегством, предоставляя магам делать свое дело.

После минутной растерянности и матерной брани по адресу этого мира и магов, бойцы принялись с удвоенной силой палить по атакующим.

И побежало по траншеям оказавшееся спасительным слово «биороботы»: именно так объяснили для себя солдаты происходящее. И подступающий испуг исчез – хотя и «био», но все же роботы. То есть, нечто все же сделанное людьми.

Солдатская смекалка подсказала, что того, кого нельзя убить, как живого человека, можно испортить.

Стрелки начали брать прицел пониже, стараясь перебить «роботам» ноги. Или наоборот – целились тщательнее, чтобы разнести башку, выглядывающую из-за щита.

Снайперы, как бешеные, загоняли обоймы в магазины СВД, и вот уже позади наступавших остались первые поверженные. Растоптанные ногами «товарищей», с перебитыми конечностями, они все еще шевелились, хотя и были уже неопасны.

Заработала артиллерия.

Мины и снаряды рвались среди атакующих мертвецов, валя их наземь, как кегли, пронзая тела роем осколков и разрывая в клочья самых неудачливых.

Но сбитые вставали, пронзенные насквозь не умирали и продолжали идти.

Взревели моторы танков и БТРов – командир бронедивизиона, не дожидаясь команды, рванул в атаку.

Машины снесли первые ряды, а затем танкисты инстинктивно догадались, как нужно действовать.

Проложив широкие просеки в толпе наступающих мертвецов (солдатам еще предстояло осознать всю нелепость этого словосочетания) машины дружно, по команде развернулись, и вновь врубались с тыла в идущую неровным квадратом неживую силу противника. После чего двинулись параллельно фронту атаки, отсекая врага от уже недалеких позиций.

Стереотруба услужливо приближала все происходящее на поле боя, давая все еще не стряхнувшему оторопь Макееву возможность наблюдать жуткие противоестественные картины.

Вот огромный Т-72, вращаясь на месте, словно исполняя какой-то дикий танец, превращает штурмующих его зомби в смердящую кашу...

Вот медленно катится облепленный мертвецами, как муравьями, БТР, на крыше которого сидит невообразимая тварь с четырьмя руками – словно слепленная каким-то безумным могильщиком из кусков давно сгнивших трупов. Барабаня кулаками в броню, она отчаянно пытается перекусить пулеметный ствол...

Вот орда покойников окружает маленькую БРДМ (мать твою, да ведь это же машина Георгия!) и, вцепившись кост-

лявыми пальцами в днище, опрокидывает ее, будто фанерную игрушку. Девятимиллиметровые пули пулемета Воеводина, выпущенные в упор, буквально рубили мертвяков на куски, или, попав в кость, просто сносили жертву наземь. Но на месте сбитых и порубленных, возникали новые – двое вместо одного.

Выручил подоспевший Т-62.

У этих старых танков в боекомплекте еще сохранились картечные заряды. Всего лишь жестянки, набитые стальными шариками, вырывавшиеся из распоротой нарезам ствола оболочки, когда снаряд вылетал из ствола. Но действие их было просто убийственным, если так можно выразиться применительно к сражению с покойниками.

Вихрь металла буквально смел шевелящуюся мертвую плоть с брони. Затем танк подъехал вплотную к машине Маркова, и резко боднул ее, выпихивая из канавы...

Несмотря на всю мощь, немногочисленная бронетехника не могла полностью истребить всю орду воинственных трупов. Но благодаря ее появлению на поле боя, нежить получила новую цель, которую атаковала со всем пылом, присущим поднятым из могил тварям, когда те сталкиваются с живыми.

Поэтому пехота получила возможность без помех отступить за загодя подготовленные укрепления.

На какое-то время войско мертвецов отползло обратно к горизонту, отойдя за холмы. Только кучки серого тряпья да долетавший с порывами ветра смрад тления говорил о недав-

но произошедшем бое.

Бронетехника, пофыркивая, вернулась на позиции. Морщась и закрывая лица, советские солдаты торопливо принялись грузить расстрелянный боезапас. Кое-кого вывернуло наизнанку – колеса и гусеницы машин все были в гнусной бурой каше.

Майор, слушая вполуха, принял доклады подчиненных: потерь нет, нападение успешно отбито. Но облегчения не испытал. Ясно, что это была лишь проба сил, и мертвецы могут вернуться в любой момент.

Именно об этом он и думал, механически выслушивая доклады командиров подразделений.

Нападение отбито, потерь нет, расход боезапаса... Да, расход боезапаса волновал его сейчас больше всего.

Откровенного говоря, он бы наплевал на приказ и отступил с позиций. Тем более что «оборонять» тут было, собственно, нечего, кроме деревянной крепостцы и пустых холмов.

Оборонять, мать их! От живых мертвецов,двигаемых самой черной магией, о которой, как выясняется, даже союзники имеют слабое представление, и вообще-то считали ее невозможной.

«Это хуже Афгана! Мы не сможем...» – обреченно подумал он. Видать, зря они пришли в этот долбаный мир с его магами, кровавыми культами непонятных богов, древней жуткой историей и чудищами-мутантами. «Зачем нам, пору-

чик, чужая земля?» – пронеслась в голове строка из полузапретной эмигрантской песни.

Да, надо отходить. Пусть выговор, пусть разжалуют, пусть выгонят из армии к чертовой матери – он, в конце концов, не обучался войне с ходячими покойниками! Доложить все командованию, пусть Мезенцев запрашивает Москву, а та присылает побольше патронов и огнеметов (если они еще остались на складах). И «Шмелей» – вот самое оно. А еще лучше – те страшилища, которые он видел на Реутовском полигоне, выжигавшие за один залп полгектара. Как их, «Буратино», что ли? (Надо же выдумать такое название!) Пусть пригонят сюда еще тысячу танков – давить нечисть, пусть выжгут все топливными бомбами, пусть, если этот Аргуэрлайл так важен, везут сюда «боеприпасы особого назначения» и жарят зомби с их хозяевами атомным огнем. Но без него!

С трудом майор взял себя в руки.

Похоже, отступать все-таки придется.

Другого выхода не было. Еще одна, от силы две атаки, и придется отступать. Или принимать героический конец. Устав и традиции велели умереть на отстаиваемой позиции. Но позади не было ни Москвы, ни даже тех пыльных афганских кишлаков, из которых его сюда выдернули.

Как он уже успел понять, мертвеца нужно было буквально начинить свинцом, чтобы тот не смог двигаться. А боезапас был расстрелян почти на половину. Не рассчитали в штабе, прикидывая, сколько и чего потребуется для марш-

броска. Тамошние умники уже успели прикинуть, что одна пуля пробивает двух-трех одоспешенных. Ошиблись, выходит... Тут помогли бы огнеметы, но оружие это в последние годы не было в почете в Советской Армии.

Тем более, сочли ненужным выдавать их тем, кто должен сражаться в мире, где три четверти построек и половина крепостей построены из дерева. Начальство можно понять, ведь у землян и без того хватало средств для превращения дел рук людских в руины, чтобы еще оставлять за собой и пепел.

И вот теперь за эту ошибку предстояло, похоже, расплатиться его отдельной сводной бригаде.

Но вот как отступишь? Его солдат привезли на грузовиках, и высадили в голой степи. Даже если он соберет все машины, если бросит тут артиллерию и посадит солдат на сколоченные из подручных средств волокуши, даже если разместит людей на броне – столько, сколько поместятся, все равно больше половины ему не увезти.

Остальным придется уходить пешком, на своих двоих – как его отцу в сорок первом.

С какой скоростью могут бегать мертвяки, он не знал, но подозрения на этот счет были самые печальные.

... – Товарищ командир, – слышалось за спиной.

Обернувшись, Макеев увидел, молоденького, (видно, еще первого года) бойца, на бледном лице которого выделялись детские веснушки.

– Товарищ командир... тут... тут священника надо... Пе-

редайте, пусть батюшку пришлют, со святой водой... И икону... чудотворную...

Боец явно был не в себе.

– Святой воды надо...

Солдат перекрестился.

Вспыхнула было злость на перетрусившего пацана, захотелось изо всех сил ударить по этому белому лицу с огромными наполненными страхом глазами. Но тут майор словно увидел все со стороны – измученный, потрясенный мальчишка лет восемнадцати, пришедший к командиру, потому что больше не к кому было. К тому, кто для него сейчас второй после бога.

– Ну что ты, сынок, – почти ласково встряхнул он подчиненного за плечи, – что ты... Не бойся, главное. Они ведь чувят страх! И не поможет тут святая вода – это черти не нашего бога. Тут здешние разве что помогут.

Так, а ведь и в самом деле нужно потрясти «союзничков».

Оставив потрясенного бойца, Макеев побежал к шатру, где обретались приданные его части волшебники.

Первым, кого он увидел, был валяющийся у шатра, растянувшийся ничком шаман, чье тело рвал кашель. Когда Кросс-хван встал на четвереньки, Александр увидел, что лицо и борода степняка залиты кровью.

Напоследок прокашлявшись и выплюнув последние сгустки крови, шаман принялся что-то кричать, указывая то в ту сторону, куда ушло войско покойников, то назад. Понять

его можно было и без переводчика. Дескать, кирдык пришел, надо поскорей уносить ноги.

Сунувшись в палатку, Макеев увидел магичку, бестолково, как ему показалось, размахивавшую руками над бьющимся в начертанной на земле гексограмме синеватым светом.

– Ну, сделай что-нибудь, ...ная ведьма! – взвыл майор.

Все происшедшее все же доконало его.

– Не могу!! – истерически закричала в ответ Алтен, сжав голову руками. – Там пятеро семиступенчатых, один – десятой ступени и... кажется, кто-то... из Теней.

Если бы Макеев знал, кто такие Тени, то, вполне возможно, вынул табельный «макаров» и пустил бы пулю в лоб. Или, что вернее, подорвал бы себя гранатой, чтобы избежать участи пополнить мертвое войско.

– Тьфу на вас! – только и нашелся Александр и, сплюнув, вышел вон.

Вокруг Кросс-хвана столпилось четверо бойцов, среди которых был и давешний богобоязненный солдатик. Сердобольные парни, как видно, хотели помочь ослабевшему от кровопотери шаману. На ходу кивнув солдатам, одобряя их действия, Макеев направился в сторону дислокации бронетехники, решив посоветоваться с офицерами и в случае чего таки связаться со штабом и запросить подкрепления. Хотя бы парочку вертолетов.

– Надо просить подкрепления – пусть пришлют всех ма-

гов, каких смогут, побольше боеприпасов со всеми имеющимися «бортами», а еще лучше: команду на отход. Правда, даже в этом случае вертолеты на прикрытие все равно лишними не будут.

– погоди, – остановил его Арс Мак.

– Что-нибудь можно сделать? – живо осведомился Александр.

– Чтобы быстро упокоить столько поднятых, ассаардар, даже истинному некроманту высших степеней потребовалось бы не менее двух десятков помощников, и не менее двух тысяч жертвенных людей, – отстраненно констатировал старший маг ОГВ. – Хотел бы я знать, как они так быстро подняли столько навья?

Макеев с каким-то холодком в сердце понял, что чародею и в самом деле интересно.

– Можно было бы сотворить Эфирный Меч, и разрубить связь между ними и некромантами. Но я придумал кое-что получше. Мне потребуется твои летающие машины... и полное повиновение их всадников! – сказал, как припечатал, чародей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.